

НОЧЬ В ПРЕДЕЛАХ ВРЕМЕНИ

АВТОР:
АЛИСА ЧЕРКАШОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЛИСА ЧЕРКАШОВА

Ночь в пределах времени

<https://litres.ru/74327212>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эмилия Блэк — девушка с ледяным сердцем, чья жизнь построена на контроле, сарказме и непробиваемой броне из цинизма. Она не верит в любовь. Не верит в слабость. И уж точно не верит в то, что может влюбиться в самого раздражающего, самоуверенного и опасно красивого парня на факультете юриспруденции.

Он — Кейн Вейланд. Холодный, блестящий, с улыбкой, от которой тает даже лёд в её глазах. Он знает, что она его ненавидит. И именно поэтому предлагает пари:

«Кто первый скажет я люблю тебя — проигрывает».

Правила просты.

Но чувства — никогда.

По мере того как дни пари превращаются в недели, их война превращается в танец. Каждый взгляд — вызов. Каждое слово — оружие. Каждая близость — попытка.

Они сражаются.

Они издеваются.

Они лгут.

Но чем сильнее они отрицают — тем громче кричит сердце.

Пари началось.
А конец
Ещё не написан.

АЛИСА ЧЕРКАШОВА

Ночь в пределах времени

Глава 1

Глава 1. Я ненавижу тебя, и это начало всего

Я стою у окна своей квартиры на седьмом этаже, и дождь стучит по стеклу, как будто пытается ворваться внутрь. За спиной — тишина. Ни музыки, ни голосов, ни смеха. Только тиканье часов на кухне, которое, кажется, отсчитывает не минуты, а мои оставшиеся нервы. За окном — серый город, серые лица, серые мысли. А внутри — огонь. Огонь, который я держу под семью замками, потому что, если выпущу — сгорит всё. Включая меня.

Меня зовут Эмилия Блак.

Нет, это не имя из дешёвого романа про вампиров или детективов с амнезией. Это моё настоящее имя. Эмилия. Звучит, как чашка чая с лавандой и сломанным сердцем. А Блак? Ну, чёрный. Как моё настроение. Как мои мысли по утрам. Как моё отношение к одному конкретному человеку.

Я ненавижу его.

Не просто не люблю. Не раздражаюсь. Не игнорирую. Я ****ненавижу****. С той самой минуты, как его голос впервые прозвучал в моей жизни, как будто кто-то поцарапал ножом по стеклу, я почувствовала — это мой личный апокалипсис. И он пришёл в костюме от Armani и с улыбкой, от которой у меня до сих пор сводит желудок.

Но давайте начнём сначала. Потому что ненависть — не родилась в один день. Она выросла. Как сорняк. Как опухоль. Как привычка, от которой невозможно избавиться.

Я родилась в семье, где любовь измерялась деньгами, а внимание — количеством подписчиков в соцсетях. Отец — успешный юрист, который считает, что эмоции — это слабость. Мама — бывшая модель, которая до сих пор не поняла, что ей уже за пятьдесят, и продолжает носить мини-юбки, вызывая у прохожих больше жалости, чем восхищения. Я была для них... ну, как пыль на полке с наградами. Есть, но не мешай.

Школа? О, это был мой первый полигон. Я не была ни слишком красивой, ни слишком умной, но была слишком... правдивой. Говорила то, что думаю. И это стоило мне дружбы, приглашений на вечеринки и даже шанса поцеловаться с парнем из старших классов. А потом — университет. Юриспруденция. Да, я пошла по стопам отца. Не потому что хо-

тела. А потому что это было ожидаемо. Как дождь в ноябре. Как смерть. Как встреча с ним.

Он вошёл в мою жизнь в понедельник.

Понедельник — день, который я ненавижу больше всего. А этот был особенно мерзким. Дождь. Пробки. Потерянный зонт. И лекция по корпоративному праву, на которую я опоздала на двадцать минут. Я ворвалась в аудиторию, мокрая, злая, с папкой, из которой вывалились все листы. Все смотрели. Все смеялись. Ну, почти все.

Он — нет.

Он сидел в третьем ряду, в центре, как будто это был его трон. С расстёгнутым пиджаком, галстук чуть ослаблен, волосы идеально уложены, будто он только что со съёмки рекламы дорогих часов. Он не смеялся. Он смотрел. Спокойно. Холодно. Как будто раздевал меня взглядом до костей. И вдруг — улыбнулся. Не дружелюбно. Не сочувственно. Саркастично. Как будто знал, что я упаду, и ждал этого.

— Ну что, Блэк, — произнёс он, когда я пыталась собрать свои бумаги, — в следующий раз лучше приходи в дождевике. Или, может, просто не приходи вообще?

Голос. Господи, этот голос. Низкий, плавный, как шёлк, но с ноткой льда, которая впивается в кожу. Я подняла глаза.

Он смотрел на меня, и в его глазах — ни капли жалости. Только вызов.

— А ты, Кейн, лучше не приходи вообще, — выпалила я, не думая. — Может, тогда лекции станут полезнее.

Тишина.

Даже преподаватель замер.

А он... он рассмеялся. Не громко. Тихо. Как будто я сказала что-то забавное. Как будто это была шутка. А потом, не отводя взгляда, сказал:

— О, Блэк. Я начинаю тебя понимать. Ты не просто заноза. Ты — настоящая бомба. Жаль, что взрываешься не вовремя.

Я села на своё место, дрожа от злости.

Но в этот момент я ещё не знала, что это был только первый ход в нашей игре.

Что он — не просто парень, который раздражает.

Что он — мой враг.

Что он — тот, кого я буду ненавидеть.

И, возможно... тот, кого я в итоге полюблю.

Но это — потом.

Сейчас я просто ненавижу.

Ненавижу его улыбку. Его уверенность. Его способность быть правым даже тогда, когда он явно не прав. Ненавижу, как он смотрит на меня, как будто видит всё. Как будто знает, что я боюсь. Что я одинока. Что я мечтаю о том, чтобы кто-то сказал: «Эмилия, ты важна».

Но он не скажет.

Он скажет: «Ты проиграла».

Потому что мы заключили пари.

Три недели назад.

На лестнице факультета.

Он — с книгой в руке. Я — с кофе в руке.

Он — с ухмылкой. Я — с гневом.

— Давай поспорим, — сказал он. — Кто первый скажет «я люблю тебя» — проигрывает.

— Ты сошёл с ума? — фыркнула я.

— Возможно. Но ты согласна?

Я хотела сказать «нет».

Но что-то внутри зашевелилось.

Гордость. Ярость. Любопытство.

И я кивнула.

— Хорошо. Но если ты проиграешь — уйдёшь с факультета.

Он усмехнулся.

— А если проиграешь ты — будешь встречаться со мной. По-настоящему. Без сарказма. Без масок. Три свидания. По моему выбору.

Я засмеялась. Громко. Настоящим смехом.

— Да ты спятил. Я бы предпочла провести неделю в камере.

— Значит, боишься? — его глаза блеснули. — Боишься, что не выдержишь? Что сломаешься? Что почувствуешь?

Я сжала кулаки.

— Я не чувствую. Особенно к таким, как ты.

— Вот и проверим, — сказал он, и его голос прозвучал, как приговор.

Пари началось.

С этого момента.

И я не знала, что три недели превратятся в пытку.
Что каждый его взгляд — будет как удар.
Каждое слово — как вызов.
Каждая встреча — как бой.

Но я не сдамся.
Потому что я — Эмилия Блак.
И я ненавижу его.
И это — только начало.

Глава 2.Пари начинается, а ад — уже здесь

Пари началось в тот же день.

Не с объявления. Не с договора. Не с подписей.

Оно началось с того, что он вошёл в аудиторию на следующий день — и сел не на своё место.

Он сел рядом со мной.

— Что ты делаешь? — прошипела я, не отрывая глаз от конспекта.

— Сажусь, — спокойно ответил он, раскрывая блокнот.
— У нас одна пара. Я имею право.

— Ты садишься туда, где всегда сидел. Вон там. — Я кивнула в сторону третьего ряда.

— Передумал. Теперь мне нравится здесь. Рядом с тобой. Свежий воздух. Запах злости. Очень бодрит.

Я резко повернулась к нему. Он смотрел прямо перед собой, будто ничего не произошло. Но уголок его губ дёрнулся. Улыбка. Тихая. Ядовитая. Та, от которой хочется врезать.

— Ты не выиграешь, — прошептала я. — Я не скажу этого. Никогда.

— Мы посмотрим, — ответил он, не глядя на меня. — Кстати, ты пахнешь ванилью. Странно. Для такой ядовитой особы.

Я замерла.

Он *заметил*?

Мой парфюм?

Я купила его месяц назад — «Vanilla Smoke» — тёплый, сладковатый, с нотками дыма. Я нанесла его утром почти машинально. Не для кого-то. Для себя. Чтобы почувствовать себя... мягче. Человечнее.

А он заметил.

И сказал.

Как будто знает меня.

— А ты пахнешь самодовольством, — бросила я. — И, возможно, дорогим мылом. Или это просто твой естественный аромат?

Он усмехнулся.

— Нет, это *Acqua di Parma*. Но спасибо за комплимент.

— Это не комплимент.

— А я и не сказал, что ты комплиментила.

Преподаватель начал лекцию. Я пыталась писать, но рука дрожала. Не от страха. От злости. От этого его присутствия. От того, как он сидит, будто это его право. Как будто он уже победил.

После пары я выскочила из аудитории первой.
Но он догнал меня у выхода.

— Блак, — сказал он, опершись о стену. — У тебя кофе пролился на блокнот.

Я посмотрела. Да. Чёрная лужица растекалась по странице с моими заметками.

— Спасибо, — бросила я, вытаскивая салфетку.

— Ты всегда такая напряжённая? — спросил он, не двигаясь.

— А ты всегда такой надоедливый?

— Только когда вижу, что могу раздражать кого-то по-настоящему. Это... вдохновляет.

Я посмотрела на него. Впервые по-настоящему. Не мельком. Не мельком, как будто он просто помеха. Я посмотрела в его глаза. Серые. Холодные. Но с искрой. Как угли под пеплом.

— Ты думаешь, ты меня сломаешь? — спросила я тихо.
— Что я сдамся? Что заплачу? Что скажу это?

— Нет, — сказал он. — Я думаю, ты *почувствуешь*. А это страшнее.

Я засмеялась. Но смех вышел нервным. Фальшивым.

— Я не чувствую. Особенно к тебе.

— Тогда почему ты дрожишь?

Я замерла.

Он прав.

Я дрожала.

От злости? От страха? От чего-то ещё?

— От отвращения, — сказала я. — От тебя. От твоего голоса. От твоего присутствия.

— Ложь, — прошептал он, делая шаг ближе. — Ты дрожишь, потому что боишься, что я прав. Что между нами — не просто ненависть. Что это... энергия. Химия. Что-то, что ты не можешь контролировать.

Я отступила.

— Ты псих. И я не играю в твои игры.

— А ты уже в них, — сказал он, улыбаясь. — С первой минуты. Ты просто ещё не поняла.

Вечером я сидела на балконе с чашкой чая. Дождь кончился. Город дышал влажной тишиной. Я пыталась читать. Но мысли крутились вокруг него. Вокруг его слов. Его взгляда. Его голоса.

Я вспомнила, как он сказал: *«Ты пахнешь ванилью»*.
Как будто это что-то значило.
Как будто он *обратил внимание*.

Я вспомнила, как он сел рядом со мной.
Как будто имел на это право.
Как будто знал, что я не откажусь.
Что я не встану и не уйду.
Что я останусь.
Потому что... мне было интересно.

Я резко встала.
Нет.
Я не чувствую.
Я не слабею.
Я не проиграю.

Но в тот момент я впервые задумалась:
А что, если проиграть — это не самое страшное?
А если самое страшное — это понять, что ты *хочешь*
проиграть?

На следующий день он не пришёл на пару.
Я села на своё место.
Потом — в третьем ряду.
Потом — снова в своё.

Я не искала его.

Я просто... чувствовала пустоту.

А в конце дня получил сообщение.

Без имени. Без номера.

Просто текст.

«Ты скучаешь?»

Я удалила его.

Но ответила.

Одно слово.

«Нет.»

Через минуту — новое сообщение.

«Ложь. Ты даже не ушла с пары. Ждала. Я видел.»

Я бросила телефон на стол.

Сердце билось слишком быстро.

Слишком громко.

Слишком... по-человечески.

Пари идёт второй день.

Я ненавижу его.

Я не скажу «я люблю тебя».

Я не сдамся.

Я не сломаюсь.

Но, чёрт возьми...

Почему мне так хочется, чтобы он появился снова?

Глава 3. Трещина в броне

Он не появлялся три дня.

Ни на лекциях. Ни в библиотеке. Ни в столовой. Ни в моих снах.

Хотя... нет.

В снах — появлялся.

И это хуже всего.

Я видела его вчера ночью.

Мы стояли на крыше здания факультета. Дождь. Ветер. Он говорил что-то, но я не слышала. Только чувствовала — его голос вибрирует в моих костях. Потом он подошёл ближе. Очень близко. Так, что я чувствовала его дыхание. И вдруг — сказал:

«Ты уже проиграла. Просто ещё не сказала.»

Я проснулась в поту.

Сердце — как будто хочет вырваться.

Окно — открыто.

Тишина.

Я ненавижу сны.

Они — предатели.

Они показывают то, что я прячу даже от себя.

На четвёртый день он вернулся.

Не с пафосом. Не с улыбкой. Просто вошёл в аудиторию, как будто и не исчезал. Сел не рядом со мной. Сел вон там — в третьем ряду. Там, где всегда сидел.

Я почувствовала облегчение.

И... разочарование.

Что со мной не так?

Лекция шла. Я пыталась писать. Но глаза сами съезжали на него. Он выглядел уставшим. Под глазами — тени. Волосы — не такие идеальные, как обычно. На шее — царапина. Мелкая. Но я её заметила.

Я не спрашивала.

Я не *должна* была спрашивать.

Но вечером, когда я шла к метро, он появился из тени у входа в парк.

— Блэк, — сказал он. — Поговорим.

Я остановилась.

— У нас нет о чём говорить.

— Есть.

— Тогда говори.

— Не здесь.

— А где? В твоём воображении? Где ты уже победил?

Он усмехнулся.

— Нет. В реальности. Где ты уже проиграла.

Я развернулась, чтобы уйти.

— Подожди, — сказал он. — Я был в больнице.

Я замерла.

— Что?

— Три дня. Аппендицит.

Я медленно обернулась.

— Серьёзно?

— А ты думала, я сбежал? Что испугался?

— Я думала, ты просто решил не мучить меня.

— А я скучал.

Я посмотрела на него. В его глазах — не насмешка. Не вызов. Что-то другое. Что-то тёплое. Опасное.

— Не надо, — сказала я. — Не начинай.

— Что — не начинай?

— Играть в человека. В уязвимого. В того, кого можно... пожалеть.

— А ты пожалела?

— Нет.

— Ложь.

— Я не пожалела. Я просто... не хотела, чтобы ты умер. Из-за глупого пари.

— Значит, тебе не всё равно.

— Мне не всё равно, что ты умрёшь. Это не значит, что я тебя люблю.

— А что, если любовь — это когда не всё равно?

Я замолчала.

Он сделал шаг ближе.

— Эмилия. Я знаю, ты ненавидишь меня. Я знаю, ты считаешь меня высокомерным, надменным, раздражающим. И ты права. Я таким и есть. Но я также вижу тебя. Всю. Не только гнев. Не только сарказм. Я вижу, как ты держишься. Как не плачешь. Как боишься быть слабой.

— Хватит, — прошептала я.

— Нет. Не хватит. Потому что я не уйду. Я не сдамся. И

я не позволю тебе притворяться, что между нами — просто война.

— А что тогда?

— Что-то большее.

— Я не хочу большего.

— Ты уже хочешь. Просто боишься назвать это по имени.

Я посмотрела на него. На его царапину. На тени под глазами. На руку, которой он держался за бок, будто боль ещё не ушла.

И вдруг...

Я почувствовала.

Не гнев.

Не злость.

А...

Страх.

Не за себя.

За него.

Я резко отвернулась.

— Уходи.

— Ты хочешь, чтобы я ушёл?

— Да.

— Ложь.

— Уйди, Кейн.

— Хорошо.

Он развернулся.

Пошёл.

Медленно.

С лёгкой походкой.

Я стояла.

Не двигалась.

Не смотрела.

Но когда его шаги затихли — я обернулась.

Он стоял у края тротуара.

Не ушёл.

Смотрел на меня.

— Я не уйду, — сказал он. — Ни сегодня. Ни завтра. Ни через месяц. Я буду здесь. Пока ты не скажешь. Пока не почувствуешь. Пока не поймёшь, что мы — не враги.

— А кто мы? — спросила я.

— Пари.

— Это не ответ.

— А ты уже знаешь ответ. Просто боишься его услышать.

Он ушёл.

На этот раз — по-настоящему.

Я стояла.

Долго.

Пока не почувствовала, как по щеке скатилась слеза.

Я её смахнула.

Резко.

Грубо.

Но это не помогло.

Потому что трещина появилась.

В броне.

В сердце.

В лжи, которую я рассказывала себе.

Я ненавижу его.

Да.

Но...

Чёрт возьми...

Я начинаю бояться, что этого уже недостаточно.

Пари идёт пятый день.

Я не сказала «я люблю тебя».

Но я впервые заплакала.

И это — хуже.

Потому что слёзы — это не ненависть.

Это уже что-то другое.

И я боюсь, что скоро не смогу вспомнить, как ненавидеть.

Глава 4. Ошибка

Я совершила ошибку.

Одну.

Маленькую.

Незаметную.

Но смертельную.

Я спросила: «Как ты себя чувствуешь?»

Всё.

Этого хватило.

Это было утром. Я шла на пару, он стоял у входа, прислонившись к стене, с чашкой кофе в руке. Бледный. Уставший. Но всё ещё невозмутимый. Я хотела пройти мимо. Хотела. Но остановилась.

— Как ты себя чувствуешь? — вырвалось само.

Он медленно поднял глаза.

— Ты *спрашиваешь*?

— Я просто... — Я замялась. — Ты выглядишь как мертвец.

— Спасибо. Очень романтично.

— Это не комплимент.

— А я и не сказал, что ты комплиментишь.

Он улыбнулся. Не саркастично. Не язвительно.

По-настоящему.

И в этот момент я поняла — я проиграла.

Не потому что сказала «я люблю тебя».

А потому что *забеспокоилась*.

— Ты не должна была спрашивать, — сказал он тихо. — Это нарушает правила.

— Какие правила?

— Правила пари. Нельзя проявлять заботу. Нельзя интересоваться. Нельзя... чувствовать.

— Я не чувствую. Просто не хочу, чтобы ты умер у меня под ногами. Это испортит мне день.

— Ложь, — прошептал он. — Ты *захотела* спросить. Значит, тебе *не всё равно*. А это — начало конца.

Я отвернулась.

— Забудь. Я больше не буду.

— А я *хочу*, чтобы ты спрашивала.

Я резко обернулась.

— Ты не имеешь права.

— Право — у тех, кто побеждает. А я уже побеждаю.

— Ты ещё ничего не выиграл.

— Я уже выиграл. Потому что ты *заметила*, что я бледный. Потому что ты *остановилась*. Потому что ты *спросила*.

Я сжала кулаки.

— Это ничего не значит.

— Значит. Это значит, что ты *видишь* меня. Не как врага. Не как раздражитель. А как человека.

— Я не хочу видеть тебя как человека.

— А я хочу, чтобы ты видела.

Он сделал шаг вперёд.

— Хочешь знать, что я чувствовал в больнице?

— Нет.

— Врунья.

— Ладно. Говори.

— Я думал о тебе.

Я замерла.

— Что?

— Три дня. Боль. Лекарства. И я думал: «А вдруг она придет? А вдруг спросит? А вдруг... скажет, что скучает?»

— Ты псих.

— А ты — нет. Ты просто боишься быть настоящей.

— Я настоящая.

— Нет. Ты — броня. Лёд. Стена. А я хочу добраться до того, что внутри.

— Там ничего нет.

— Есть. И я это чувствую.

Я посмотрела на него. На его серые глаза. На шрам на шее.
На руку, которой он держал чашку, будто боялся уронить.

И вдруг...

Я захотела прикоснуться.

Просто — к его руке.

Проверить, тёплый ли он.

Живой ли.

Я сжала пальцы.

Не сделала этого.

— Уходи, — сказала я.

— Нет.

— Я не хочу тебя видеть.

— Хочешь. Просто не готова признать.

— Я не проиграю.

— Ты уже проиграла. Просто ещё не сказала.

Он развернулся и ушёл.
А я стояла.
Сердце — как будто бьётся впервые.

Я совершила ошибку.
Я *заботилась*.
А это — начало конца.

Но самое страшное?
Я не хочу, чтобы это заканчивалось.

Пари идёт шестой день.
Я не сказала «я люблю тебя».
Но я спросила, как он себя чувствует.
И это — хуже.

Потому что забота — это уже признание.
А я...

Я начинаю бояться, что хочу проиграть.
Глава 5. Война внутри

Я начала сходить с ума.
Не метафорически.
Не драматизируя.
Я *действительно* схожу с ума.

Каждое утро я просыпаюсь с одной мыслью: *«Он будет сегодня на паре?»*

И каждый вечер — с другой: *«Почему он не написал?»*

Я не должна думать об этом.

Я *не хочу* думать об этом.

Но он — везде.

В моих мыслях.

В моих снах.

В каждом проклятом взгляде, который я ловлю на себе в аудитории.

Потому что он смотрит.

Всегда.

Даже когда делает вид, что нет.

Сегодня он пришёл с книгой.

Не учебник.

Не конспект.

Тонкая, старая, с потрёпанным переплётом.

Я наклонилась, пытаюсь разглядеть название.

— Интересуешься? — спросил он, не отрывая глаз от страниц.

— Просто любопытно, чем ты заполняешь пустоту в своём мозгу.

— Поэзией.

Я уставилась на него.

— Что?

— Поэзия. Слова. Чувства. Рифмы. Ты, наверное, не в курсе.

— Ты издеваешься.

— Нет. Это «Стихи о любви и одиночестве» Анны Ахматовой.

Я замерла.

Ахматова.

Я читала её.

Тайно.

Ночью.

Когда мне было семнадцать, и я впервые поняла, что любовь — это не сказка.

А боль.

— Почему именно она? — спросила я тихо.

— Потому что она писала о том, что нельзя сказать вслух. О том, что рвёт изнутри. О том, что остаётся, когда всё кончается.

— И ты... чувствуешь это?

— А ты?

Я отвела взгляд.

— Я не чувствую.

— Ложь. Ты читала её. Значит, *искала* что-то.

— Это не значит, что я ищу сейчас.

— А я думаю — ищешь. Только боишься признать.

Он перевернул страницу.

Тишина.

Я смотрела на его пальцы.

Длинные. Тонкие.

Один — с царапиной.

— Почему ты цепляешься за меня? — спросила я вдруг.

— А ты цепляешься за ненависть.

— Это защита.

— А я — твой вирус. Я проникаю внутрь. Ломаю систему.

— Ты разрушитель.

— А ты — крепость. Но даже самые крепкие стены падают.

Я резко встала.

— Я ухожу.

— Беги, — сказал он спокойно. — Это помогает. На пять минут.

Я вышла.

Но не ушла.

Остановилась за дверью.

Слушала.

Он не двигался.

Не встал.

Не пошёл за мной.

И это...

Это было хуже всего.

Потому что я *хотела*, чтобы он пошёл.

Вечером я сидела в библиотеке.

Читала не юриспруденцию.

Читала Ахматову.

> *«Я научилась просто, мудро жить —

> Смотреть на небо и молиться Богу...»*

Я закрыла книгу.

Сжала её.

Почувствовала, как по щеке снова скатилась слеза.

Я не плачу.

Я *не плачу*.

Но она вырвалась.

Как предатель.

Как признание.

Я открыла телефон.
Нашла его номер.
Не писала.
Просто смотрела.

И вдруг — он написал сам.

«Ты взяла её?»

Я не поняла.
Потом — поняла.
Книгу.

«Нет.»

Через секунду — ответ.

«Ложь. Я видел, как ты смотрела. Хочешь — принесу.»

Я не ответила.
Но через десять минут он появился в библиотеке.
С той же книгой.
Поставил её на стол.

— Держи.

— Я не просила.

— А я не спрашивал.

Он сел напротив.

— Почему ты ненавидишь меня, Эмилия?

— Потому что ты раздражаешь.

— Это не причина.

— Потому что ты слишком уверен в себе.

— А ты — слишком не уверена.

— Я уверена.

— В чём? В том, что ты сильная? В том, что тебе никто не нужен? В том, что любовь — это слабость?

— Да.

— А я думаю — ты боишься.

— Чего?

— Что, если ты *не* сильная? Что, если тебе *нужен* кто-то? Что, если любовь — это не слабость, а единственное, что делает тебя живой?

Я посмотрела на него.

— А если я скажу, что ты прав?

— Тогда ты проиграла.

— А если я скажу, что ты неправ?

— Тогда ты всё ещё боишься.

Я взяла книгу.

— Уходи.

— Хорошо.

Он встал.

Потом остановился.

— Завтра у меня день рождения.

— Поздравляю.

— Я не прошу поздравлений. Я прошу — приди.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не хочу быть частью твоей жизни.

— А я уже часть твоей.

Он ушёл.

А я сидела.

С книгой на коленях.

С сердцем, которое билось слишком громко.

Пари идёт седьмой день.

Я не сказала «я люблю тебя».

Но я взяла его книгу.

И это — почти то же самое.

Потому что книги — это признание.

А я...

Я начинаю бояться, что хочу его видеть.

Даже в день его рождения.

Даже если это — конец моей брони.

Глава 6. День рождения

День его рождения начался с дождя.

Не лёгкого, романтического, как в фильмах.

А тяжёлого, серого, который смывает все краски и оставляет только контуры.

Я стояла у окна в своей комнате, смотрела, как капли стекают по стеклу, и думала: *«Я не пойду. Я не должна идти»*.

Но пальцы сами тянулись к телефону.

Сами набирали: *«С днём рождения»*.

И сами стирали.

Потому что «с днём рождения» — это слишком просто.

Это для тех, кто просто знаком.

А мы...

Мы — не просто знакомы.

Мы — война.

Мы — пари.

Мы — трещина в броне, которая становится всё шире.

Он не ждал меня.

Я знала это.

Но всё равно пришла.

Не на вечеринку.

Не в шумный бар, где его друзья поднимают бокалы и смеются.

Я пришла туда, где он бывает один.

На крышу старого корпуса.

Туда, где ветер срывает слова, а город лежит внизу, как карта чужих судеб.

Он стоял у края, смотрел вниз.

Плечи — напряжены.

Руки — в карманах.

Он выглядел... уставшим.

Не от бессонницы.

Не от учёбы.

А от чего-то глубже.

От чего-то, что он прятал за своей вечной ухмылкой.

— Ты пришёл праздновать одиночество? — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал как обычно.

Холодно.

С сарказмом.

Он не обернулся сразу.

Будто ждал, что я исчезну.

Будто боялся, что это не я.

— А ты пришла, чтобы испортить мне праздник? — спросил он, не поворачиваясь.

— Я пришла, чтобы убедиться, что ты не спрыгнешь.

Он наконец повернулся.

В его глазах мелькнуло что-то...

Не насмешка.

Не вызов.

А облегчение.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Но я не собирался.

— А я и не думала, что собирался.

— Ты всегда так врёшь?

— Всегда.

Он подошёл ближе.

Не вплотную.

Оставил между нами эту тонкую, дрожащую границу.

— Ты принесла подарок? — спросил он.

— Нет.

— А я — да.

Он достал из кармана маленькую коробочку.

Не ювелирную.

Не блестящую.

Просто чёрную, с тонкой серебряной лентой.

— Это... не то, что ты думаешь, — сказал он, протягивая её. — Это не признание. Не попытка сломать тебя. Это... просто.

Я не взяла.

— Я не принимаю подарки.

— А я не прошу ничего взамен.

Я смотрела на коробочку.

На его руку.

На то, как дрожат его пальцы.

— Открой, — попросил он. — Пожалуйста.

И я открыла.

Внутри — не кольцо.

Не кулон.

Не билет на самолёт.

Внутри — маленький, потрёпанный томик.

Тот самый.

Ахматова.

— Ты... купил её? — спросила я.

— Нет. Я нашёл её. В букинистическом. Она была старая.
Как будто ждала меня.

Я провела пальцем по обложке.

— Зачем?

— Потому что ты её читаешь.

Потому что в этих строках — ты.

Потому что, когда я читаю их, я слышу твой голос.

Я закрыла коробочку.

— Не надо, — прошептала я. — Не делай этого.

— Чего?

— Не будь... настоящим.

— А ты не будь... бронёй.

Мы стояли.

Молчали.

Ветер рвал слова, которые мы не решались сказать.

— Я не хочу проигрывать, — сказала я вдруг.

— А я не хочу, чтобы ты проигрывала.

— Но пари...

— К чёрту пари.

Он шагнул ближе.

Теперь между нами не было границы.

Только воздух.

Только дыхание.

Только сердце, которое билось так громко, что, казалось, слышал весь город.

— Скажи, — прошептал он. — Скажи хоть что-нибудь.

— Я... — начала я.

И замолчала.

Потому что если я скажу «я люблю тебя» — я проиграю.
А если скажу «я ненавижу» — я солгу.

— Я не знаю, — призналась я. — Я не знаю, что чувствую.

— Это уже больше, чем ничего, — сказал он. — Это уже... начало.

Он не обнял меня.

Не поцеловал.

Просто стоял рядом.

И этого было достаточно.

Пари идёт восьмой день.

Я не сказала «я люблю тебя».

Но я пришла.

Я взяла его подарок.

И я не ушла.

А это — уже почти признание.

Потому что иногда самое громкое «люблю» — это просто остаться.

Даже если ты не знаешь, что будет дальше.

Даже если ты боишься.

Даже если ты всё ещё не готова.

Я не готова.

Но я здесь.

И, кажется... он тоже.

Глава 7. Слово, которого не было

Я не спала всю ночь.

Не из-за дождя.

Не из-за шума.

А из-за слова, которого не произнесла.

Оно висело между нами.

На крыше.

В воздухе.

В его глазах.

«Я...»

И — тишина.

Я не сказала.

Но и не отрицала.

Я просто... осталась.

А это — уже предательство.

Утром я открыла книгу.

Ту, что он подарил.

Страница, на которой лежала закладка — не случайная.

> *«Сжала руки под тёмной вуалью...

> «Отчего ты молчишь? — умоляю.

> Может быть, слова нет простого?

> Может быть, ты боишься сказать?...»*

Я захлопнула её.

Слишком близко.

Слишком... правда.

Я не боюсь.

Я просто не хочу.

Но телефон дрожал.

Сообщение.

«Ты осталась. Это значит больше, чем „люблю“.»

Я не ответила.

Но и не удалила.

На паре он сидел в третьем ряду.

Не рядом.

Не далеко.

Точно так, чтобы я видела его.

Точно так, чтобы он видел меня.

Я пыталась писать.

Но буквы расплывались.

Слова превращались в его голос.

В его взгляд.

В эту проклятую тишину на крыше.

— Блэк, — прошептал преподаватель. — Вы можете ответить на вопрос?

Я подняла голову.

Все смотрели.

Он — тоже.

Спокойно.

Ожидая.

— Я... не слышала вопрос, — сказала я.

— Тогда, может, выйдете подышать?

Я встала.

Не оглядываясь.

Но знала — он смотрит.

На лестнице я остановилась.

Сжала перила.

Попыталась вспомнить, как дышать.

— Ты не должна была приходить, — раздался голос позади.

Я не обернулась.

— Я не приходила.

— А я видел.

— Ты не имел права.

— А ты — чувствовать.

Я резко повернулась.

— Почему ты не отпускаешь?

— Потому что ты не хочешь, чтобы я отпустил.

— Я *хочу*.

— Ложь. Ты хочешь, чтобы я стоял здесь. Чтобы смотрел. Чтобы не сдавался.

— А если я скажу, что ненавижу тебя?

— Скажи.

— Я... — Я сжала губы. — Я не могу.

— Вот и ответ.

Он подошёл ближе.

Не прикасаясь.

Но тепло его тела — рядом.

— Ты не ненавидишь, Эмилия. Ты *боишься*.

— Чего?

— Что, если я скажу это первым?

Я замерла.

— Ты не скажешь.

— А если скажу — ты убежишь?

— Да.

— А если я скажу — и ты не убежишь?

— Я уйду.

— А если я скажу — и ты останешься?

Я посмотрела на него.

На его серые глаза.

На руку, которой он держался за перила.

На уголок губ, дрожащий от напряжения.

— Тогда... — Я сглотнула. — Тогда я не знаю, что будет.

— А я знаю.

— Что?

— Ты скажешь это вторым.

— Никогда.

— Ты уже почти сказала.

— Я не скажу.

— А я скажу.

— Не смей.

— Почему?

— Потому что... — Я сжала кулаки. — Потому что если ты скажешь — я не смогу притворяться.

— А я и не хочу, чтобы ты притворялась.

Он сделал шаг вперёд.

Один.

Последний.

— Я... — начал он.

Я подняла руку.

— Не смей.

Он остановился.

— Хорошо.

Но знай — я скажу.

Когда ты будешь готова.

Или нет.

Он развернулся.

Ушёл.

А я стояла.

Сердце — как будто разорвалось.

Пари идёт девятый день.

Я не сказала «я люблю тебя».

Но я не сказала «я ненавижу».

А это — уже не война.

Это — ожидание.

И я боюсь, что скоро...
Я сама скажу это первая.

Глава 8. Прорыв

Я сломалась в библиотеке.
Не с криком.
Не с плачем.
Тихо.
Как лёд, который трескается под весом весны.

Я сидела за столом, передо мной — книга Ахматовой.
Та самая.
С его закладкой.
С его словами, вложенными между страницами.

Я читала:

> *«Я вас любила — любовь ещё, быть может,
> В душе моей угасла не совсем...»*

И вдруг — почувствовала.
Не боль.
Не страх.
А...
Освобождение.

Я *люблю*.

Не ненавижу.

Не борюсь.

Не притворяюсь.

Я *люблю его*.

Слово пронзило меня, как молния.

Оно не было мягким.

Не было романтичным.

Оно было *настоящим*.

Грубым.

Громким.

Необратимым.

Я закрыла глаза.

И впервые за долгое время — не сопротивлялась.

Я *люблю*.

И это — не поражение.

Это — правда.

Я встала.

Не медля.

Не раздумывая.

Вышла.

Пошла.

К его корпусу.

К его аудитории.

К нему.

Пари больше не имело значения.

Победа.

Поражение.

Слово.

Всё это — пепел.

Я шла не за тем, чтобы выиграть.

Я шла, чтобы *сказать*.

Но когда я подошла — дверь была закрыта.

Аудитория пуста.

Лекция закончилась.

— Его нет, — сказал студент, выходя. — Ушёл пять минут назад.

Я замерла.

Не от разочарования.

От паники.

*А если он уйдёт?

А если не вернётся?

А если я опоздала?*

Я выбежала на улицу.

Дождь.

Снова.

Как в первый день.

Как в день, когда всё началось.

Я огляделась.

Никого.

Только капли.

Только эхо шагов.

И вдруг — увидела.

Он стоял у фонаря.

Под дождём.

Без зонта.

Смотрел на меня.

Не двигался.

Не улыбался.

Просто стоял.

Как будто ждал.

Я подошла.
Медленно.
Капли стекали по лицу.
По волосам.
По сердцу.

— Я пришла, — сказала я.

— Я знаю, — ответил он.

— Я искала тебя.

— Я тоже тебя искал.

— Почему ты ушёл?

— Потому что боялся, что ты придёшь.

— А теперь?

— Теперь я боюсь, что ты уйдёшь.

Я смотрела на него.
На его мокрые волосы.
На капли, стекающие по щекам.
На руки, сжатые в кулаки.

— Я не уйду, — сказала я.

— Почему?

— Потому что... — Я сделала паузу.

Глубокий вдох.

Слово, которого я боялась, — на языке.

Готово.

Живое.

— Потому что я...

Он поднял руку.

— Не надо.

— Что?

— Не говори.

— Почему? Ты же этого хотел.

— Хотел.

Но не так.

Не под дождём.

Не с дрожью в голосе.

Не потому, что ты *должна*.

— А потому что *хочу*.

— Тогда скажи.

Но не сейчас.

Потом.

Когда будешь готова.

Когда это будет не признание в поражении...

А признание в жизни.

Я посмотрела на него.

— А если я скажу сейчас — ты не согласишься?

— Поверю.

Но я хочу, чтобы ты *чувствовала* это, когда скажешь.

А не просто произнесла.

Я подошла ближе.

Остановилась в шаге.

Подняла руку.

Коснулась его щеки.

Он замер.

— Ты прав, — прошептала я. — Я ещё не готова.
Но я *буду*.

Он закрыл глаза.
Его дыхание — дрогнуло.

— Я подожду, — сказал он. — Даже если это будет вечность.

Я убрала руку.
Но не отступила.

— А если я скажу — ты согласишься?

— Поверю.
Но я хочу, чтобы ты *знала*, что это — не конец.
А начало.

— А если я скажу — и ты согласишься?

— Я уже ответил.
Каждым взглядом.
Каждым шагом.
Каждым днём, когда я не уходил.

Я улыбнулась.
Первый раз.
По-настоящему.

— Тогда... жди.

— Всегда.

Мы стояли.
Под дождём.
Без слов.
Без прикосновений.
Но с чем-то большим.

С *обещанием*.

Пари идёт десятый день.
Я не сказала «я люблю тебя».
Но я *знаю* это.
И этого — достаточно.

Потому что иногда самое важное — не сказать.
А *почувствовать*.
И позволить себе быть... слабой.

А я...

Я больше не боюсь.

Глава 9. Обратный отсчёт

Пари идёт одиннадцатый день. **Глава 9. Обратный от-
счёт**

Пари идёт одиннадцатый день.

Но теперь всё иначе.

Я больше не считаю победу.

Я считаю *секунды*.

До того момента, когда скажу это.

Когда не смогу больше молчать.

Потому что слово растёт внутри.

Как семя.

Как рана.

Как свет.

И я больше не могу его сдерживать.

Он не давит.

Не спрашивает.

Не подталкивает.

Он просто *есть*.

Рядом.

В тишине.

В взгляде.

В том, как он оставляет мне последний глоток кофе.

Как замечает, что я не ела.

Как молча кладёт передо мной булочку утром — без слов, без улыбки, просто: *«Ешь»*.

Я не привыкла к этому.

К заботе.

К тишине, которая не давит.

К тому, что кто-то просто... рядом.

— Почему ты такой терпеливый? — спросила я вчера, когда мы сидели в пустой аудитории после пары.

Он не отрывался от книги.

— Потому что знаю — ты придёшь.

— А если не приду?

— Придёшь.

— Почему ты так уверен?

— Потому что ты уже пришла. В тот день на крыше. В тот день в библиотеке. В тот день под дождём. Ты просто ещё не сказала это вслух.

Я посмотрела на него.

— А если я скажу — и всё изменится?

— Всё уже изменилось.

— А если я разочарую тебя?

— Ты уже разочаровала.

Я резко подняла голову.

— Что?

— Ты не такая сильная, как думаешь.

— Это... оскорбление?

— Это комплимент.

Потому что настоящая сила — не в том, чтобы не чувствовать.

А в том, чтобы чувствовать — и остаться.

А ты осталась.

Значит, ты сильнее, чем сама знаешь.

Я замолчала.

Он закрыл книгу.

— Я не хочу, чтобы ты сказала это, потому что *должна*.

Я хочу, чтобы ты сказала, потому что *не можешь не сказать*.

Когда это вырвется.

Как крик.

Как вздох.

Как первый луч после бури.

— А если я скажу — и ты не ответишь?

— Я уже ответил.

Каждый день.

Каждый взгляд.

Каждый шаг, который я делаю *к тебе*, а не прочь.

Я посмотрела в окно.

За стеклом — город.

Жизнь.

Шум.

А внутри — тишина.

И только одно слово, которое стучится в грудь:

«Скоро.»

Вечером я сидела на балконе.

Опять.

Как в первый день.

Только теперь дождя не было.

Только звёзды.

И тишина.

Я открыла книгу.

На последней странице — не стихи.

А записка.

Рукой Кейна.

> *«Я не хочу выиграть пари.

> Я хочу, чтобы ты проиграла — не потому что сдалась.

> А потому что больше не хочет прятаться.

> Жду.

> Не потому что должен.

> А потому что люблю.

> И это — не слово.

> Это — факт.»*

Я сжала книгу.

Сердце — как будто остановилось.

Потом — ударило.

Сильнее.

Громче.

Я встала.

Взяла телефон.

Написала одно сообщение.

«Завтра.»

Никаких пояснений.

Никаких отговорок.

Просто — *«Завтра»*.

Через секунду — ответ.

«Я знаю.»

Пари идёт двенадцатый день.

Я не сказала «я люблю тебя».

Но я *назначила день*.

И это — уже не отсрочка.

Это — обещание.

Потому что иногда самое страшное — не признаться.

А *дождаться* этого момента.

А я...

Я больше не боюсь.

Я готова.

Автор: Алиса Черкашова

Но теперь всё иначе.

Я больше не считаю победу.

Я считаю *секунды*.

До того момента, когда скажу это.

Когда не смогу больше молчать.

Потому что слово растёт внутри.

Как семя.

Как рана.

Как свет.

И я больше не могу его сдерживать.

Он не давит.
Не спрашивает.
Не подталкивает.

Он просто *есть*.

Рядом.

В тишине.

В взгляде.

В том, как он оставляет мне последний глоток кофе.

Как замечает, что я не ела.

Как молча кладёт передо мной булочку утром — без слов,
без улыбки, просто: *«Ешь»*.

Я не привыкла к этому.

К заботе.

К тишине, которая не давит.

К тому, что кто-то просто... рядом.

— Почему ты такой терпеливый? — спросила я вчера, когда мы сидели в пустой аудитории после пары.

Он не отрывался от книги.

— Потому что знаю — ты придёшь.

— А если не приду?

— Придёшь.

— Почему ты так уверен?

— Потому что ты уже пришла. В тот день на крыше. В тот день в библиотеке. В тот день под дождём. Ты просто ещё не сказала это вслух.

Я посмотрела на него.

— А если я скажу — и всё изменится?

— Всё уже изменилось.

— А если я разочарую тебя?

— Ты уже разочаровала.

Я резко подняла голову.

— Что?

— Ты не такая сильная, как думаешь.

— Это... оскорбление?

— Это комплимент.

Потому что настоящая сила — не в том, чтобы не чувствовать.

А в том, чтобы чувствовать — и остаться.

А ты осталась.

Значит, ты сильнее, чем сама знаешь.

Я замолчала.

Он закрыл книгу.

— Я не хочу, чтобы ты сказала это, потому что *должна*.

Я хочу, чтобы ты сказала, потому что *не можешь не сказать*.

Когда это вырвется.

Как крик.

Как вздох.

Как первый луч после бури.

— А если я скажу — и ты не ответишь?

— Я уже ответил.

Каждый день.

Каждый взгляд.

Каждый шаг, который я делаю *к тебе*, а не прочь.

Я посмотрела в окно.
За стеклом — город.
Жизнь.
Шум.
А внутри — тишина.
И только одно слово, которое стучится в грудь:

«Скоро.»

Вечером я сидела на балконе.
Опять.
Как в первый день.
Только теперь дождя не было.
Только звёзды.
И тишина.

Я открыла книгу.
На последней странице — не стихи.
А записка.

Рукой Кейна.

> *«Я не хочу выиграть пари.
> Я хочу, чтобы ты проиграла — не потому что сдалась.
> А потому что больше не хочет прятаться.

> Жду.
> Не потому что должен.
> А потому что люблю.
> И это — не слово.
> Это — факт.»*

Я сжала книгу.
Сердце — как будто остановилось.
Потом — ударило.
Сильнее.
Громче.

Я встала.
Взяла телефон.
Написала одно сообщение.

«Завтра.»

Никаких пояснений.
Никаких отговорок.
Просто — *«Завтра»*.

Через секунду — ответ.

«Я знаю.»

Пари идёт двенадцатый день.
Я не сказала «я люблю тебя».
Но я *назначила день*.

И это — уже не отсрочка.
Это — обещание.

Потому что иногда самое страшное — не признаться.
А *дождаться* этого момента.

А я...
Я больше не боюсь.

Я готова.
Глава 10. День

Он наступил.

Он наступил.
Не с грома.
Не с крика.
Не с драматичного заката.

С утра.
Солнечного.
Тихого.

Как будто весь мир знал — и решил не мешать.

Я проснулась с одним чувством:

«Сегодня.»

Не «я должна».

Не «я сделаю».

А просто — *«сегодня»*.

Как дыхание.

Как пульс.

Как неизбежность.

Я не писала ему.

Не звонила.

Не уточняла, где.

Когда.

Как.

Он знал.

Я знала.

Место — не важно.

Слово — главное.

Я пришла туда, где всё началось.

В аудиторию.

Пустую.

Солнце лежало на партах, как тёплая вуаль.

Он уже был там.

Стоял у доски.

Спиной ко мне.

Руки в карманах.

Плечи — чуть опущены.

Я остановилась в дверях.

— Ты пришёл, — сказала я.

Он не обернулся.

— Я знал, что ты придёшь.

— А если бы не пришла?

— Пришла бы.

Просто позже.

Но ты выбрала *сегодня*.

Значит, ты готова.

Я вошла.

Закрыла дверь.

Щёлчок.

Тишина.

— Я не хочу, чтобы это было красиво, — сказала я.

— Я не хочу, чтобы это было похоже на сцену из фильма.

Я хочу, чтобы это было... настоящее.

— Оно и есть настоящее, — сказал он, поворачиваясь. —

Ты здесь.

Я здесь.

И это — не пари.

Это — жизнь.

Я смотрела на него.

На его глаза.

На шрам на шее.

На руку, которой он держался за доску, будто боялся упасть.

— Я... — начала я.

И остановилась.

Не из страха.

Не из сомнений.

Просто... слово было слишком большим.

Слишком тяжёлым.

Слишком *моим*.

Я сделала шаг.

Потом ещё один.

Остановилась в шаге.

— Я ненавидела тебя, — сказала я.

— Я ненавидела твою улыбку.

Твой голос.

То, как ты смотришь.

Как не сдаёшься.

Как ломаешь меня.

Он молчал.

Слушал.

Как будто каждое слово — молитва.

— Я боялась, — продолжила я. —

Боялась, что если я почувствую — я сломаюсь.

Что если я скажу — я проиграю.

Но я поняла...

Что *не чувствовать* — это и есть поражение.

Он сжал губы.

Глаза — стали темнее.

— Я не хочу выигрывать, — прошептал он.

— А я не хочу проигрывать, — сказала я.

— Я хочу *быть*.

Быть с тобой.

Не из-за пари.

Не из-за страха.

А потому что...

Я сделала паузу.

Глубокий вдох.

Слово — на языке.

В сердце.

В крови.

— Потому что я люблю тебя.

Тишина.

Не пустая.

Не напряжённая.

А *полная*.

Как будто весь мир встал на паузу, чтобы услышать.

Он не двинулся.

Не улыбнулся.

Не сказал.

Просто смотрел.

Как будто запоминал.

Как будто это слово — шрам, который он будет носить
всю жизнь.

Потом — шагнул.

Один.

Медленно.

— Скажи ещё раз, — попросил он.

— Я люблю тебя, — сказала я.

Тише.

Твёрже.

Честнее.

Он закрыл глаза.

Его грудь — дрогнула.

— Ты проиграла, — прошептал он.

— Да, — сказала я.

— А я выиграл, — сказал он.

— Нет, — ответила я. —
Мы *выиграли*.

Он открыл глаза.
Улыбнулся.
Не язвительно.
Не с вызовом.
По-настоящему.
Тёпло.
Как будто впервые.

— Я люблю тебя, — сказал он.
Не крик.
Не торжество.
Просто — факт.
Как дыхание.
Как солнце.
Как правда.

И в этот момент...
Я поняла.

Пари закончилось.
Но *мы* — только начались.

Пари длилось тринадцать дней.
Я сказала «я люблю тебя».
И это — не поражение.

Это — свобода.

Потому что любовь — не слабость.
Это — самая большая сила.
Та, что ломает броню.
Та, что заставляет остаться.
Та, что делает нас... настоящими.

А я...
Я больше не боюсь.
Я просто... люблю.

Автор: Алиса Черкашова
Не с грома.
Не с крика.
Не с драматичного заката.

С утра.
Солнечного.
Тихого.
Как будто весь мир знал — и решил не мешать.

Я проснулась с одним чувством:

«Сегодня.»

Не «я должна».

Не «я сделаю».

А просто — *«сегодня»*.

Как дыхание.

Как пульс.

Как неизбежность.

Я не писала ему.

Не звонила.

Не уточняла, где.

Когда.

Как.

Он знал.

Я знала.

Место — не важно.

Слово — главное.

Я пришла туда, где всё началось.

В аудиторию.

Пустую.

Солнце лежало на партах, как тёплая вуаль.

Он уже был там.
Стоял у доски.
Спиной ко мне.
Руки в карманах.
Плечи — чуть опущены.

Я остановилась в дверях.

— Ты пришёл, — сказала я.

Он не обернулся.

— Я знал, что ты придёшь.

— А если бы не пришла?

— Пришла бы.
Просто позже.
Но ты выбрала *сегодня*.
Значит, ты готова.

Я вошла.
Закрыла дверь.
Щёлчок.
Тишина.

— Я не хочу, чтобы это было красиво, — сказала я.

— Я не хочу, чтобы это было похоже на сцену из фильма.
Я хочу, чтобы это было... настоящее.

— Оно и есть настоящее, — сказал он, поворачиваясь. —
Ты здесь.

Я здесь.

И это — не пари.

Это — жизнь.

Я смотрела на него.

На его глаза.

На шрам на шее.

На руку, которой он держался за доску, будто боялся
упасть.

— Я... — начала я.

И остановилась.

Не из страха.

Не из сомнений.

Просто... слово было слишком большим.

Слишком тяжёлым.

Слишком *моим*.

Я сделала шаг.
Потом ещё один.
Остановилась в шаге.

— Я ненавидела тебя, — сказала я.
— Я ненавидела твою улыбку.
Твой голос.
То, как ты смотришь.
Как не сдаёшься.
Как ломаешь меня.

Он молчал.
Слушал.
Как будто каждое слово — молитва.

— Я боялась, — продолжила я. —
Боялась, что если я почувствую — я сломаюсь.
Что если я скажу — я проиграю.
Но я поняла...
Что *не чувствовать* — это и есть поражение.

Он сжал губы.
Глаза — стали темнее.

— Я не хочу выигрывать, — прошептал он.

— А я не хочу проигрывать, — сказала я.

— Я хочу *быть*.

Быть с тобой.

Не из-за пари.

Не из-за страха.

А потому что...

Я сделала паузу.

Глубокий вдох.

Слово — на языке.

В сердце.

В крови.

— Потому что я люблю тебя.

Тишина.

Не пустая.

Не напряжённая.

А *полная*.

Как будто весь мир встал на паузу, чтобы услышать.

Он не двинулся.

Не улыбнулся.

Не сказал.

Просто смотрел.

Как будто запоминал.

Как будто это слово — шрам, который он будет носить всю жизнь.

Потом — шагнул.

Один.

Медленно.

— Скажи ещё раз, — попросил он.

— Я люблю тебя, — сказала я.

Тише.

Твёрже.

Честнее.

Он закрыл глаза.

Его грудь — дрогнула.

— Ты проиграла, — прошептал он.

— Да, — сказала я.

— А я выиграл, — сказал он.

— Нет, — ответила я. —

Мы *выиграли*.

Он открыл глаза.

Улыбнулся.

Не язвительно.

Не с вызовом.

По-настоящему.

Тёпло.

Как будто впервые.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Не крик.

Не торжество.

Просто — факт.

Как дыхание.

Как солнце.

Как правда.

И в этот момент...

Я поняла.

Пари закончилось.

Но *мы* — только начались.

Пари длилось тринадцать дней.

Я сказала «я люблю тебя».

И это — не поражение.

Это — свобода.

Потому что любовь — не слабость.

Это — самая большая сила.

Та, что ломает броню.

Та, что заставляет остаться.

Та, что делает нас... настоящими.

А я...

Я больше не боюсь.

Я просто... люблю.

-Глава 11. Первый день после

Они не стали другими.

Не вдруг начали смеяться, держась за руки.

Не стали называть друг друга «солнышко» или «котёнок».

Они остались *сами собой*.

Только теперь — *вместе*.

Первый день после признания был... странным.

Не громким.

Не торжественным.

Просто — *другим*.

Я пришла на пару.

Он уже сидел.

Третий ряд.

То же место.

Но теперь — свободное место рядом.

Для меня.

Я села.

Не сказала «привет».

Он не сказал.

Просто положил передо мной стаканчик кофе.

Тот же.

Двойной.

С молоком.

Без сахара.

— Ты опять запомнил, — сказала я.

— А ты опять не завтракала, — ответил он.

Я взяла кофе.

Пальцы коснулись его.

На мгновение.

Не специально.

Или... специально?

— Это был не сон? — спросила я тихо.

— Какой?

— Вчерашний день.

Ты сказал.

Я сказала.

Мы...

— Не сон, — перебил он. —

Это было реальнее любого утра.

Преподаватель вошёл.

Лекция началась.

Я пыталась писать.

Но буквы плыли.

Не от усталости.

От ощущения.

Он был рядом.

Не как враг.

Не как вызов.

А как... *дом*.

После пары мы вышли вместе.
Не договариваясь.
Просто — пошли.

— Куда? — спросила я.

— Не знаю, — сказал он. —
Ты выбирай.

Я остановилась.
Посмотрела на него.

— А если я выберу крышу?

— Пойдём.

— А если я выберу библиотеку?

— Пойдём.

— А если я выберу... ничего?

— Останемся здесь.

Я улыбнулась.

Не широко.
Только уголками губ.
Но он *увидел*.

— Тогда пойдём в библиотеку, — сказала я. —
Хочу вернуть книгу.

— Какую?

— Ахматову.
Ту, что ты подарил.

— Зачем возвращать?

— Потому что хочу взять другую.
Цветаеву.
Ту, что ты читал вчера.

Он посмотрел на меня.
В глазах — тень улыбки.

— Это признание?

— Это предложение, — сказала я. —
Читать вместе.

— А если я скажу «нет»?

— Скажешь — я уйду.

— А если скажу «да»?

— Останусь.

И прочитаю вслух.

— А если я не пойму?

— Объясню.

Как ты объяснил мне Ахматову.

Он кивнул.

Потянулся.

И вдруг — взял меня за руку.

Не спрашивая.

Просто — взял.

Я не отдернула.

Не сжала.

Просто... позволила.

— Пойдём, — сказал он. —

Я хочу услышать, как ты читаешь.

Мы шли.
Рука в руке.
Мимо студентов.
Мимо шума.
Мимо прошлого.

И я поняла —
Это и есть *после*.
Не конец.
А начало.
Тихое.
Настоящее.
Наше.

Глава 12. Тень

Первый раз он посмотрел на другую — и я почувствовала,
как внутри что-то треснуло.

Это был не смотрящий взгляд.
Не флирт.
Не улыбка.
Просто — она подошла.
Девушка из юридического.
Высокая.

Светлые волосы.

Голос — как музыка, которую я ненавижу.

— Кейн, ты не взял конспект, — сказала она.

Он взял.

Поблагодарил.

Кивнул.

Всё.

Но я *почувствовала*.

Не ревность.

Ещё хуже.

Сомнение.

А вдруг он *помнит*?

А вдруг у них было?

А вдруг она — та, кого он не смог забыть?

А вдруг я — просто замена?

Или... испытание?

Я молчала.

На паре.

На выходе.

По дороге в библиотеку.

— Ты не говоришь, — сказал он.

— Нечего сказать, — ответила я.

— Врунья.

Ты всегда молчишь, когда боишься.

Я остановилась.

— А ты всегда прав, да?

— Нет.

Но я знаю тебя.

И сейчас ты думаешь о ней.

— О ком?

— О Лине.

Да, мы учились вместе.

Да, она мне нравилась.

Два года назад.

Пока не понял, что нравится — это не любовь.

— А что тогда любовь?

— Когда человек становится воздухом.

Когда его нет — ты задыхаешься.

Когда он рядом — ты даже не замечаешь, что дышишь.
Потому что это — естественно.
Как сейчас.

Я смотрела на него.

— А если я скажу, что не верю?

— Скажи.

Но знай — я не стану доказывать.

Я просто буду *быть*.

Рядом.

Каждый день.

Пока ты не почувствуешь.

Я отвернулась.

— А если я уйду?

— Уйдёшь — я не остановлю.

Но я не уйду.

Я останусь.

Даже если ты не вернёшься.

— Почему?

— Потому что любовь — это не выбор.

Это — факт.

Как гравитация.

Ты можешь прыгнуть — но ты всё равно упадёшь.

Я могу попытаться уйти — но я всё равно вернусь.

К тебе.

Я сжала губы.

— А если я не хочу, чтобы ты был таким хорошим?

— А если я не хочу, чтобы ты была такой сильной?

Но я принимаю.

Потому что это — ты.

Я не ответила.

Но и не ушла.

На следующий день я пришла на пару.

Она сидела рядом с ним.

Говорила.

Он — слушал.

Серьёзно.

Как всегда.

Я села в конце.

Не подходила.

Не смотрела.

После лекции он подошёл.

— Почему ты не села рядом?

— А ты заметил?

— Я замечаю, когда тебя нет.

— А когда я есть?

— Тогда я просто дышу.

Я сжала рюкзак.

— А если я скажу, что не хочу делить тебя даже с прошлым?

— Ты и не делишь.

Прошрое — мертво.

Я — живой.

И я с тобой.

Не потому что должен.

А потому что *хочу*.

— А если я скажу, что ревную?

— Скажи.

Я выслушаю.

Без сарказма.

Без улыбки.

Потому что твоя ревность — не слабость.

Это — страх потерять.

А я не хочу, чтобы ты боялась.

— А как ты хочешь?

— Хочу, чтобы ты знала:

Ты — не вторая.

Ты — первая.

Первая, кого я *не боюсь любить*.

Первая, кому позволил сломать меня.

Первая, кто стоит этого.

Я посмотрела на него.

— А если я всё равно уйду?

— Уйдёшь — я не стану умолять.

Но знай:

Я не перестану любить.

Даже если ты скажешь, что ненавидишь.

Даже если выйдешь замуж за другого.

Даже если забудешь моё имя.

Я всё равно буду помнить.

И любить.

Потому что ты — мой шанс.

И я не отпущу его.

Я замолчала.

Потом — шагнула.

Обняла.

Первый раз.

Сама.

Он не двинулся.

Просто обнял в ответ.

Крепко.

Как будто боялся, что исчезну.

— Я ревную, — прошептала я. —

И мне страшно.

— Я знаю, — сказал он. —

Но я здесь.

И я не уйду.

Даже если ты попросишь.

Ревность не ушла.

Она осталась.

Как шрам.

Как память.

Но теперь — я не боялась её.

Потому что знала:

Он не уйдёт.

Он *выдержит*.

Даже мою слабость.

Даже мои сомнения.

Даже меня.

А я...

Я училась верить.

Не словам.

А молчанию.

Его руке, которая тянется ко мне в темноте.

Его взгляду, который ищет меня в толпе.

Его голосу, который шепчет:

«Я здесь. Ты не одна».

Глава 13. Разрыв

Он начался не с крика.
Не с обвинений.
Не с драмы.

Он начался с тишины.

Той самой, что раньше была между нами — до признания.
Теперь она вернулась.
Но уже не как враг.
А как предатель.

Всё началось с его отъезда.
Не навсегда.
На неделю.
Конференция.
Другой город.
Он не хотел уезжать.
Но должен был.

— Я вернусь в пятницу, — сказал он, стоя у двери моей комнаты.

— Я знаю, — ответила я.
— Не скучай.
— А если скучать — что?
— Позвони.
— А если не ответишь?

— Ответю.
Обязательно.

Он поцеловал меня в лоб.
Не в губы.
Не в щёку.
В лоб.
Как будто боялся, что поцелуй в губы — это уже слишком.
Или слишком мало.

Он ушёл.
Я закрыла дверь.
И впервые за долгое время — почувствовала, как внутри становится пусто.

День первый.
Он прислал фото: «Приехал. Всё в порядке».
Я ответила: «Хорошо».
Молчание.

День второй.
Сообщение: «Лекция закончилась. Устал».
Я: «Почти спишь на ходу?»
Он: «Только когда не вижу тебя».
Я улыбнулась.
Но не прислала смайлик.

Не написала «скучаю».

День третий.

Он не писал.

Не звонил.

Я не спрашивала.

День четвёртый.

Фото.

Он.

И она.

Лина.

Рядом.

У микрофона.

Подпись: «Обсуждаем проект. Случайная встреча».

Я смотрела на это фото.

Долго.

Потом удалила переписку.

Не полностью.

Просто — скрыла.

Пятница.

Он вернулся.

Пришёл ко мне.

С сумкой.

С усталым лицом.
С надеждой в глазах.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответила я.

Он подошёл.
Потянулся обнять.
Я отступила.

— Что? — спросил он.

— Ты не писал.

— Было много дел.

— А Лина — тоже часть дел?

Он замер.

— Ты видела фото?

— Видела.
Вы выглядели... близко.

— Мы обсуждали проект.
Она работает в том же институте.
Это не было назначено.

— А если бы было — ты сказал бы?

— Да.

— А если бы ты почувствовал что-то — сказал бы?

— Да.

Потому что я люблю *тебя*.

— А если бы почувствовал — и не сказал?

— Я бы не почувствовал.

Потому что моё сердце уже занято.

Тобой.

Сломанным.

Упрямым.

Настоящим.

Я смотрела на него.

— А если я скажу, что не верю?

— Скажи.

Но знай — я не стану доказывать.

Я просто уйду.

Потому что любовь — это не тюрьма.

Ты не должна бояться, что я уйду к другой.

Ты должна *знать*, что я не уйду.

А если ты не знаешь — значит, я не сумел это показать.

— А если я боюсь?

— Страх — нормально.

Но не давай ему убивать нас.

— А если я не могу иначе?

— Тогда, может, нам нужно...

Остановиться.

Я замерла.

— Что?

— Я не хочу терять тебя.

Но я не хочу быть доказательством.

Я хочу быть *очевидностью*.

А если ты каждый раз будешь сомневаться — мы будем разрушать друг друга.

Медленно.

Каждым взглядом.

Каждым молчанием.

Каждым «а вдруг».

— Ты хочешь расстаться?

— Нет.

Я хочу, чтобы ты *поверила*.

Но если ты не можешь — тогда лучше остановиться.

Пока мы не превратимся в боль.

Я сжала руки.

— А если я скажу, что остаюсь?

— Я не верю.

Не сейчас.

Не так.

— А когда?

— Когда ты перестанешь бояться.

Когда поймёшь, что ты — не вторая.

Ты — единственная.

Когда ты перестанешь искать врагов — и начнёшь видеть

меня.

— А если я не справлюсь?

— Тогда я справлюсь за нас двоих.

Но не вечно.

Я устал бороться с твоим страхом.

Я хочу просто *быть*.

Он посмотрел на меня.

Долго.

Потом взял сумку.

— Я уйду.

Не навсегда.

Просто... дам тебе время.

Чтобы ты поняла:

Я не уйду.

Даже если ты не попросишь остаться.

Он открыл дверь.

— Кейн, — сказала я.

Он остановился.

Не обернулся.

— Я... боюсь.

Но не тебя.

Я боюсь потерять то, что у нас есть.

— А если я скажу, что ты уже теряешь?

— Что?

— Ты теряешь меня не из-за Лины.

Ты теряешь меня из-за того, что не веришь в нас.

А любовь без веры — это просто память.

Он вышел.

Дверь закрылась.

Тихо.

Я осталась одна.

С пустотой.

С правдой.

С пониманием:

Я не боялась Лину.

Я боялась *себя*.

Боялась, что недостаточно хороша.

Что он передумает.

Что однажды скажет: «Всё, хватит».

И теперь...
Он сказал это.

Глава 14. Пустота

Он ушёл.
Не с криком.
Не с угрозой.
Просто — исчез.

Как будто и не было.

Как будто всё, что было между нами, стёрлось одним закрытием двери.

Но стёрлось только *внешне*.
Внутри — всё горело.

Первые дни я пыталась жить как раньше.
Раньше — до него.
До «я люблю тебя».
До прикосновений.
До тишины, которая больше не была пустой.

Я ходила на пары.
Писала конспекты.

Ела.
Спала.

Но всё было *не так*.
Кофе — без вкуса.
Книги — без смысла.
Город — без цвета.

Я не плакала.
Не кричала.
Просто... существовала.
Как будто выключили свет, а я всё ещё шла по памяти.

Он не писал.
Не звонил.
Не появлялся.

Я проверяла.
Каждый день.
Каждый час.
Его страницу.
Его номер.
Его место в аудитории.

Пусто.

Однажды я пришла на крышу.
Туда, где всё началось.
Села на край.
Смотрела на город.
На дождь.
На огни.

И вдруг поняла:
Я не боюсь высоты.
Я боюсь *низин*.
Боюсь, что он не вернётся.
Что я останусь здесь — одна.
Со своим страхом.
Со своей правдой.
Со своим «я сама виновата».

Через неделю я нашла конверт.
Под дверью.
Без марки.
Без адреса.
Только моё имя.
Рукой — его.

Я вскрыла.
Внутри — листок.
Один.

> *«Ты спросила — когда я поверю, что ты остаёшься.

> Я скажу: когда ты поймёшь, что любовь — это не доказательство.

> Это — выбор.

> Каждый день.

> Каждое утро.

> Каждый раз, когда ты хочешь убежать — и всё равно остаёшься.

>

> Я не ушёл к Лине.

> Я ушёл от твоего страха.

> Потому что не могу бороться за нас в одиночку.

>

> Если ты когда-нибудь захочешь поговорить — я буду в библиотеке.

> В нашем месте.

> В шесть.

> Не в пятницу.

> Не в воскресенье.

> В любой день.

> Я буду ждать.

> Не потому что должен.

> А потому что люблю.

>

> Но знай:

> Я не вернусь, если ты скажешь: «Я боюсь».
> Я вернусь, только если скажешь: «Я выбираю тебя».
>
> Это — не ультиматум.
> Это — честность.
>
> К.»*

Я сжала листок.
Сердце — как будто разорвалось.

Он не просил остаться.
Он не умолял.
Он дал мне *выбор*.
И шанс.
Настоящий.

Я не пошла в тот день.
Не в шесть.
Не в библиотеку.

Я боялась.
Боялась, что скажу не то.
Боялась, что он посмотрит — и не увидит меня.
Боялась, что он уже не чувствует того же.

Но ночью я села за стол.
Взяла бумагу.
Ручку.
И написала.

Не письмо.
Не признание.
Не оправдание.

Я написала *правду*.

> *«Я не знаю, получится ли это письмо.

> Я не знаю, хватит ли слов.

> Но я знаю — я ошиблась.

>

> Я думала, что ревность — это про тебя.

> Оказалось — про меня.

> Про мой страх быть недостаточной.

> Про мой страх, что однажды ты скажешь: «Хватит».

>

> Ты не ушёл к Лине.

> Ты ушёл от меня.

> От моего недоверия.

> От моего молчания.

> От моего «я не могу».

>

- > И знаешь, что самое страшное?
- > Я не пыталась тебя остановить.
- > Я позволила тебе уйти.
- > Потому что боялась, что ты скажешь «да».
- >
- > Но теперь я поняла:
- > Любовь — это не когда ты не боишься.
- > Любовь — это когда ты боишься — и всё равно идёшь.
- >
- > Так что я иду.
- > Не к тебе.
- > Не за тобой.
- > Я иду *к нам*.
- > Потому что я выбираю тебя.
- > Снова.
- > Сознательно.
- > Навсегда.
- >
- > Если ты всё ещё ждёшь — я приду.
- > В шесть.
- > В библиотеку.
- > В любой день.
- > Я буду стоять у двери.
- > С этим письмом.
- > С сердцем.
- > С надеждой.

>

> Потому что я не просто люблю тебя.

> Я *выбираю* тебя.

> Даже если боюсь.

> Даже если больно.

> Даже если ты не откроешь дверь.

>

> Э.»*

Я сложила письмо.

Положила в конверт.

И легла спать.

Впервые за неделю — спокойно.

Потому что я больше не боялась.

Я *действовала*.

Глава 15. Шесть часов

Библиотека.

Четверг.

Шесть вечера.

Я пришла за десять минут.

Сердце — как будто хочет вырваться.

Руки — дрожат.
Письмо — в кармане.

Я не знала, пришёл ли он.
Не знала, ждёт ли.
Не знала, будет ли вообще.

Но я пришла.
Потому что *выбрала*.

Я вошла.
Тихо.
Свет — приглушённый.
Стеллажи — как стены лабиринта.
И вдруг — вижу.

Он сидит.
За тем самым столом.
У окна.
С книгой.
Не читает.
Смотрит вперёд.

Я остановилась.
На пороге.
Не дышу.

Он почувствовал.
Повернул голову.

Молчание.

Не враждебное.
Не холодное.
Просто... *тяжёлое*.

Я сделала шаг.
Потом ещё один.
Остановилась напротив.

— Ты пришёл, — сказала я.

— Я знал, что ты придёшь, — ответил он.
— А если бы не пришла?

— Пришла бы.
Позже.
Но ты выбрала *сегодня*.
Значит, ты готова.

Я достала письмо.
Положила на стол.

— Я написала.

Он не взял.

— А можно — ты скажешь?

Я сжала губы.

Глубокий вдох.

— Я была слепа.

Я думала, что ревность — это про тебя.

А это было про меня.

Про мой страх быть недостаточной.

Про мой страх, что ты передумаешь.

Что однажды скажешь: «Я устал».

Он смотрел.

Не перебивал.

— Ты не ушёл к Лине.

Ты ушёл от меня.

От моего недоверия.

От моего молчания.

От моего «я не могу».

И я позволила.

Потому что боялась, что ты скажешь «да».

— А теперь?

— А теперь я поняла:

Любовь — это не когда ты не боишься.

Любовь — это когда ты боишься — и всё равно идёшь.

И я иду.

Не за тобой.

Не к тебе.

Я иду *к нам*.

Он молчал.

Потом взял письмо.

Не открыл.

Просто положил в карман.

— Я не вернусь, если ты скажешь «я боюсь», — напомнил он.

— Я не скажу.

Я скажу: **я выбираю тебя**.

Снова.

Сознательно.

Навсегда.

Даже если будет больно.

Даже если я снова испугаюсь.
Я *выберу* тебя.

Он встал.
Подошёл.
Остановился в шаге.

— А если я скажу, что не верю?

— Скажи.
Но знай — я буду доказывать.
Каждый день.
Каждым взглядом.
Каждым «я здесь».

— А если я скажу, что не хочу доказательств?

— Тогда я просто *буду*.
Рядом.
Тихо.
Настояще.

Он смотрел в мои глаза.
Долго.
Потом — коснулся щеки.
Легко.

Как будто боялся, что исчезну.

— Ты дрожишь, — прошептал он.

— Я боюсь, — сказала я. —
Но я здесь.

— А если я скажу, что тоже боюсь?

— О чём?

— Что однажды ты скажешь: «Хватит».
Что уйдёшь.
Что поймёшь — я не стою этого.

— А ты стоишь?

— Нет.

Но я *твой*.

Как ты — моя.

Со всеми шрамами.

Со всеми страхами.

Со всеми «я не могу».

Я шагнула вперёд.

Прижалась.

Обняла.

Первый раз — *с нуждой*.

Он ответил.

Крепко.

Как будто боялся, что ускользну.

— Я люблю тебя, — прошептала я. —

Не потому что ты идеален.

А потому что ты — мой дом.

— А я люблю тебя, — сказал он, —

Не потому что ты сильная.

А потому что ты *остаёшься*.

Даже когда хочется убежать.

Мы стояли.

В тишине.

В свете заката.

В пыли старых книг.

Во всём, что было.

И во всём, что будет.

Разрыв не стал концом.

Он стал *очисткой*.

Как шторм.

Как огонь.

Как боль, после которой — только правда.

Мы не стали другими.

Мы стали *настоящими*.

И теперь —

Мы не просто вместе.

Мы *выбрали* быть вместе.

Это — не конец.

Это — начало.

На новых условиях.

Без брони.

Без игр.

Без страха.

Только любовь.

И выбор.

Каждый день.

Глава 16. Первый настоящий день

Он не начался с поцелуя.

Не с признания.

Не с обещаний.

Он начался с кофе.

Обычного.

Утром.

Во вторник.

Я пришла в аудиторию.

Он уже сидел.

Одна чашка.

Не две.

Я посмотрела на него.

— Не ждал? — спросила.

— Ждал, — сказал он. —

Просто решил — дам тебе шанс уйти.

— А если бы ушла?

— Пошёл бы за тобой.

Но не в библиотеку.

Не на крышу.

Я бы просто встал и пошёл.

Где бы ты ни была.

Я села.

Молча.

Он поставил передо мной кофе.

— Ты не спросил, что я хочу, — сказала я.

— Я знаю.

Двойной.

С молоком.

Без сахара.

Ты не меняешься.

— А ты?

— Я — меняюсь.

Я больше не доказываю.

Я просто *есть*.

Преподаватель вошёл.

Лекция началась.

Я писала.

Он — тоже.

Но его рука лежала рядом с моей.

Не касаясь.

Но — рядом.

На перемене он встал.

— Куда? — спросила я.

— В библиотеку.

Хочу вернуть книгу.

— Какую?

— Цветаеву.

Ту, что ты взяла за меня.

— А потом?

— Потом возьму другую.

Ахматову.

Ту, что ты любишь.

— А если я скажу — читай со мной?

— Скажи.

— Читай со мной.

— Хорошо.

Но не здесь.
Не сейчас.
Потом.
Когда будет тихо.
Когда будет *наше*.

Я кивнула.
И вдруг — улыбнулась.
По-настоящему.
Широко.
Без брони.

Он посмотрел.
И тоже улыбнулся.
Не уголками губ.
Не сарказмом.
По-настоящему.

После пар мы пошли.
Не торопясь.
Молча.
Но не потому что нечего сказать.
А потому что *всё уже сказано*.

В библиотеке он вернул книгу.
Взял другую.

Открыл наугад.

— «Сжала руки под тёмной вуалью...» — прочитал он.

— Продолжи, — сказала я.

— «И сказала: „Я больше не та...“» — он посмотрел на меня. —

Ты — не та.

— А какая?

— Ты — та, которая осталась.

Та, которая пришла.

Та, которая *выбрала*.

Я взяла книгу.

Перелистнула.

Нашла строчку.

— «Я пришла к тебе с приветом...» — начала я.

— Продолжай, — сказал он.

— «Рассказать, что солнце встало...» — читала я. —

«Что оно горячим ласкам

Небывалый дало проблеск...»

Он слушал.
Не отрывая глаз.

— А дальше? — спросил.

— Дальше — не важно, — сказала я. —
Важно, что я *пришла*.

Он закрыл книгу.
Положил на стол.
Потом взял мою руку.

— Это и есть наша поэзия, — сказал он. —
Не в словах.
В том, что мы *здесь*.

Вечером мы оказались на крыше.
Не по плану.
Просто — пошли.
Как раньше.
Но не так.

— Помнишь, как всё началось? — спросила я.

— Помню.

Ты сказала: «Я ненавижу тебя».

— А ты — «Пари».

— А теперь?

— А теперь я скажу:

****я люблю тебя**.**

Не как победу.

Не как признание.

А как *факт*.

Как дыхание.

Как правду.

Он обнял меня.

Прижал к себе.

— А я скажу:

****я выбираю тебя**.**

Каждый день.

Каждое утро.

Каждый раз, когда ты смотришь на меня — и боишься.

Я выбираю тебя.

Даже если ты не веришь.

Даже если уйдёшь.

Я всё равно выберу.

Я прижалась щекой к его груди.
Слушала сердце.
Ровное.
Сильное.
Настоящее.

— А если я скажу, что хочу...
Остановиться? — прошептала я.

— На какое-то время?
— Нет.
Навсегда.

— Тогда я скажу:
«Я не отпущу».
Не потому что должен.
А потому что *не могу*.
Ты — не просто любовь.
Ты — мой шанс на что-то настоящее.
И я не отпущу его.

— А если я скажу: «Я устала»?

— Отдохнёшь.
Я подержу.

А потом — пойдём дальше.

— А если скажу: «Я не достойна»?

— Скажу: «Ты ошибаешься».

Ты не должна быть достойной.

Ты должна быть *здесь*.

А я — с тобой.

Я подняла глаза.

— А если я скажу: «Я боюсь»?

— Обниму.

Поцелую.

Скажу: «Я тоже».

И добавлю: «Но мы идём.

Вместе».

Я улыбнулась.

Он — тоже.

И в этот момент я поняла:

Мы больше не боролись.

Мы *шли*.

Не к счастью.
Не к идеалу.
Мы шли *друг к другу*.
Через страх.
Через боль.
Через молчание.
Через правду.

И это было красивее любого пари.

-Глава 17. Дом.

Он не спрашивал, можно ли.
Просто принёс коробку.

— Что это? — спросила я, открывая дверь.

— Вещи, — сказал он.

— Какие?

— Мои.

— Зачем?

— Потому что я переезжаю.

Я замерла.

— Сюда?

— К тебе.

— А если я скажу «нет»?

— Скажу «да».

И останусь в коридоре.

Я посмотрела на коробку.

На него.

На дверь, за которой — моя старая жизнь.

— А если я скажу, что не готова?

— Готова.

Ты просто боишься, что станет слишком легко.

А я скажу — станет слишком *настояще*.

Я отступила.

Он вошёл.

Поставил коробку.

Огляделся.

— У тебя всё ещё пахнет чаем и одиночеством, — сказал он.

— А у тебя — дождём и упрямством.

— Хорошо.

Значит, будем пахнуть *нами*.

Он распаковывал вещи.

Тихо.

Без спешки.

Книги — на полку рядом с моими.

Фото — в рамку.

Не его.

Не старое.

Новое.

С крыши.

Где мы стоим — не обнимаясь.

Но очень близко.

— Почему это? — спросила я.

— Потому что это — начало.

Не конец.

Не победа.

А первый день, когда мы перестали притворяться.

Я села на диван.

Смотрела, как он ходит по *моей* комнате.

Теперь — *нашей*.

— А если я скажу, что хочу пространство?

— Дам.

Но дверь между нами — не поставлю.

Даже если попросишь.

— А если я скажу, что хочу спать одна?

— Спи.

Я лягу рядом.

Не трону.

Не поцелую.

Просто буду рядом.

Пока не скажешь: «останься».

— А если я не скажу?

— Подожду.

Даже если ночь.

Даже если неделя.

Даже если месяц.

Я не уйду.

Я просто *буду*.

Я легла.

Он — рядом.

Не касаясь.

Но — рядом.

Через час я потянулась.

Нашла его руку.

Сжала.

Он не ответил.

Просто перевернулся.

Обнял.

— Ты не спал? — спросила.

— Спал.

Но чувствовал, когда ты потянулась.

Сердце — как будильник.

— А если я скажу, что боюсь?

— Скажу: «я тоже».

И добавлю: «но я здесь».

— А если скажу, что не заслужила?

— Скажу: «ты ошибаешься».

Ты не должна заслуживать *дом*.

Ты должна его *чувствовать*.

А я — твой.

Я прижалась.

Закрыла глаза.

— Спасибо, — прошептала.

— За что?

— Что не ушёл.

Что вернулся.

Что выбрал.

Что *есть*.

— Не благодари.

Я не герой.

Я просто мужчина, который любит женщину,
Которая боится, но всё равно остаётся.

Утром я проснулась — он уже на кухне.

Готовит.

Неумело.

Кофе — слишком крепкий.

Тост — подгорел.

— Ты умеешь готовить? — спросила я.

— Нет.

Но учусь.

Для тебя.

Я села.

Он поставил чашку.

— Попробуй.

— А если не понравится?

— Исправлю.

Снова.

И снова.

Пока не будет идеально.

— А если никогда не будет идеально?

— Тогда будем пить кофе вдвоём.

И подгоревшие тосты.

И это будет *наше*.

Я отпила.

Горько.

Солёно.

Не идеально.

— Вкусно, — сказала я.

— Врунья.

— Но мне нравится.

Потому что это — ты.

Он улыбнулся.

Не сарказмом.

Не с вызовом.

По-настоящему.

— Знаешь, что самое странное? — спросил.

— Что?

— Я больше не чувствую себя одиноким.

Даже когда ты молчишь.

Даже когда злишься.
Даже когда боишься.
Я просто *знаю* — ты здесь.
И я — с тобой.

Я посмотрела на него.
На кухню.
На наш дом.

— А если я скажу, что это — навсегда?
— Скажи.
Я повторю.
И поверю.
Впервые.

— Это — навсегда, — сказала я.

— Это — навсегда, — повторил он.

И в этот момент я поняла:

Дом — это не стены.

Не ключи.

Не адрес.

**Дом — это когда ты перестаёшь бояться возвращать-

ся.**

Когда знаешь — тебя ждут.

Даже если ты молчишь.

Даже если ты плачешь.

Даже если ты просто *есть*.

И он — мой.

Я — его.

Мы — *наши*.

Глава 18. Семья

Он сказал: «Познакомься с моей матерью» — и я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Не из-за неё.

А из-за *меня*.

Я боялась не её.

Я боялась, что она посмотрит — и не увидит *достойную*.

Что скажет: «Ты не та, кого я хотела для сына».

Что поймёт: он выбрал кого-то сломанного.

Кого-то, кто боится.

Кого-то, кто не умеет быть лёгкой.

— А если она меня не полюбит? — спросила я, стоя у зеркала.

— Она уже любит, — сказал он.

— Как?

— Потому что я люблю тебя.

А она знает — я не люблю легко.

— А если скажет, что я не подхожу?

— Скажет — я отвечу: «Ты не поняла её».

Потому что ты — не *подходишь*.

Ты — *создана* для меня.

— А если спросит, зачем я тебя люблю?

— Скажи правду.

«Потому что он остаётся.

Потому что он видит меня.

Потому что он не боится моей тьмы».

Я вздохнула.

— А если я заплачу?

— Обниму.

И скажу: «Это — хорошо».

Мы приехали.

Дом — старый.

Деревянный.

С запахом корицы и книг.

Она открыла дверь.

Высокая.

Седые волосы.

Глаза — *его*.

— Здравствуйте, — сказала я.

— Заходи, — ответила она.

Не «девушка Кейна».

Не «привет».

Просто — «заходи».

Как в дом.

Как к себе.

Мы сели за стол.

Чай.

Пирог.

Тишина.

— Он говорит, вы читаете стихи вслух, — сказала она.

— Да, — ответила я. — Иногда.

— А какой последний?

— Ахматова.

«Я пришла к тебе с приветом...»

— Хорошо, — кивнула она. —

Это — правильная поэзия.
Для правильного человека.

Я посмотрела на Кейна.
Он смотрел на меня.
С гордостью.

— А ты любишь его? — спросила она вдруг.
Не с вызовом.
Не с испытанием.
Просто — с интересом.

— Да, — сказала я.
— А если он уйдёт?
— Не уйдёт.
— А если уйдёт всё равно?
— Тогда я скажу: «спасибо».
За то, что был.
За то, что научил меня дышать.
И останусь с этой благодарностью.

Она молчала.
Потом встала.
Подошла.
Прикоснулась к моей щеке.

— Ты не такая, как я думала, — сказала она.

— А какой вы думали?

— Сильной.

А ты — настоящая.

А это — важнее.

Я не сдержала.

Слёзы.

Тихие.

Тёплые.

Она обняла.

Не как мать.

Не как чужая.

Как *своё*.

— Добро пожаловать, — прошептала.

По дороге домой я молчала.

Кейн тоже.

— Ты знал, что она примет меня? — спросила я.

— Нет.

Но я знал, что ты *заслуживаешь*.

А она — умная.

Она видит.

— А если бы не приняла?

— Я бы выбрал тебя.

Даже если бы весь мир сказал «нет».

Потому что ты — мой *да*.

Я прижалась к окну.

Смотрела на город.

На огни.

На нашу жизнь.

— А если я скажу, что хочу...

Семью? — прошептала я.

— Какую?

— Не просто нас.

А... детей.

Дом.

Историю.

Он не ответил сразу.

Потом взял мою руку.

— А если я скажу, что уже вижу?

— Что?

— Девочку.

С твоими глазами.

С моим упрямством.

Которая будет читать Ахматову и ревновать меня к её будущему парню.

Я засмеялась.

Сквозь слёзы.

— А если скажу, что боюсь быть матерью?

— Скажу: «я тоже боюсь быть отцом».

Но мы будем учиться.

Вместе.

Как учились любить.

— А если скажу, что хочу, чтобы она никогда не боялась?

— Скажу: «она будет бояться».

Но будет знать — её любят.

Независимо от страха.

Независимо от молчания.

Независимо от выбора.

Я закрыла глаза.

— Спасибо, — сказала.

— За что?

— Что дал мне не только любовь.

А *семью*.

— Не я дал.

Ты — построила.

Своим «я остаюсь».

Своим «я выбираю».

Своим «я боюсь, но иду».

Той ночью я впервые представила:

Наш дом.

Детскую.

Маленькую девочку, которая читает вслух.

А мы — сидим рядом.

Молчим.

Слушаем.

Любим.

И я поняла:

****Семья — это не кровь.****

****Не фамилия.****

****Не общие воспоминания.****

****Семья — это когда ты знаешь: тебя не отпустят.****

****Даже если ты сломаешься.****

****Даже если уйдёшь.****

****Даже если просто *существуешь*.****

И я — дома.

Он — мой.

Мы — *наши*.

Навсегда.

-Глава 19. Цикл

Прошло два года.

Мы больше не ссорились из-за Лины.

Не говорили о прошлом.

Не проверяли, кто кому пишет.

Мы просто *были*.

Как дыхание.

Как сердцебиение.

Как нечто, что не нужно доказывать.

Но однажды утром я проснулась — и поняла:

Всё снова может сломаться.

Потому что я смотрела на тест.

На две полоски.

Я сидела на полу ванной.

Тест — в руке.

Сердце — где-то в горле.

Мысли — как стекло: острые, хрупкие, разбитые.

Я не плакала.

Не кричала.

Просто... боялась.

Не ребёнка.

Не боли.

Не родов.

Я боялась *потерять его*.

Боялась, что он изменится.

Что начнёт смотреть на меня иначе.

Что любовь станет *обязанностью*.

Что однажды скажет: «Ты не та, кого я любил».

Я встала.

Спрятала тест в шкаф.

Как будто можно спрятать *правду*.

Он пришёл с работы.

С улыбкой.

С кофе.

С книгой — новой.

— Привет, — сказал. — Хочешь читать?

Я кивнула.

Села рядом.

Он открыл на первой странице.

— «Любовь не в том, чтобы быть счастливым, — читал он, —

А в том, чтобы быть настоящим.

Даже когда страшно.

Даже когда больно.

Даже когда хочется убежать».

Я сжала руки.

— Красиво, — сказала.

— Это — про нас, — ответил он.

Я молчала.

Потом — выдохнула.

— У меня кое-что есть, — сказала.

— Что?

Я встала.
Пошла в ванную.
Достала тест.
Вернулась.
Положила на стол.

Он посмотрел.
Долго.
Молча.

Потом — поднял глаза.

— Это...?

— Да, — сказала я.
— Ты... хочешь?

Я не ответила.
Просто смотрела.
Ждала.

Он встал.
Подошёл.
Не обнял.
Не поцеловал.

Он опустился на колени.
Приложил ухо к моему животу.
Сквозь ткань.
Как будто слушал.

— Привет, — прошептал он. —
Я — папа.
А ты — наше чудо.

Я схватилась за стену.
Слёзы — по щекам.

— А если я скажу, что боюсь? — прошептала.
— Скажу: «я тоже».
Но я здесь.
Мы — здесь.

— А если скажу, что не готова?
— Готова.
Ты просто не знаешь этого ещё.
А я — буду рядом.
Каждый день.
Каждую ночь.
Каждую боль.
Каждую радость.

— А если скажу, что не хочу меняться?

— Ты не изменишься.

Ты *расширится*.

Как книга, у которой появляется новая глава.

А я — прочитаю её.

Всю.

До последней строки.

Я упала на колени.

Обняла его.

Рыдала.

Не от страха.

От *облегчения*.

— Я люблю тебя, — сказала.

— А я люблю вас *двух*, — ответил он.

Той ночью мы не читали стихи.

Мы просто лежали.

Рука — на моём животе.

Его — поверх моей.

— А если будет девочка? — спросил он.

— Будет, — сказала я.

— А если — мальчик?

— Тогда — будет сын.

А потом — девочка.

Я чувствую.

— Ты веришь в это?

— Верю.

Не в приметы.

Не в тесты.

В *нас*.

Он поцеловал меня в висок.

— Знаешь, что самое странное?

— Что?

— Я не боюсь.

Даже немного.

Я просто... *жду*.

Как первого дня после.

Как первого поцелуя.

Как первого «я люблю тебя».

— А если будет трудно?

— Будет.

Но мы — сильнее.

Мы уже прошли через разрыв.

Через страх.

Через молчание.

А это — не конец.
Это — *продолжение*.

Я прижалась.
Закрыла глаза.

— Спасибо, — прошептала.
— За что?
— Что не изменился.
Что остался.
Что *выбираешь*.

— Я не выбираю каждый день, — сказал он.
— А что?
— Я *живу* с выбором.
Как с воздухом.
Как с сердцем.
Как с тобой.

Через месяц я встала на учёт.
Врач улыбнулась.

— Первый триместр.
Всё в порядке.
Хотите услышать сердцебиение?

Я кивнула.

Он сжал мою руку.

И вдруг — звук.

Быстрый.

Резкий.

Живой.

— Вот он, — сказала врач.

— Она, — поправил он.

— Откуда знаешь?

— Чувствую.

Как ты.

Я посмотрела на экран.

На маленькое пятнышко.

На жизнь.

На *нас*.

И впервые за долгое время —

Я не боялась.

Я *знала*.

Мы — не идеальны.

****Мы — не спокойны.****

****Мы — не без боли.****

****Но мы — настоящие.****

****Мы — вместе.****

****Мы — навсегда.****

-Глава 20. Окружность

Роды начались не вовремя.

В самый дождь.

В самый шторм.

В самый пик моего страха.

— Я не могу, — сказала я, сжимая руку Кейна.

— Можешь, — ответил он. —

Ты уже делаешь.

— Больно.

— Знаю.

— А если что-то пойдёт не так?

— Ничего не пойдёт не так.

Я здесь.

Я не отпущу.

Он не отпускал.

Не тогда, когда я кричала.

Не тогда, когда просила остановиться.

Не тогда, когда думала — не выдержу.

Он просто *был*.

Рядом.

Сильный.

Тихий.

Настоящий.

И в один миг — плач.

Громкий.

Резкий.

Живой.

— Поздравляю, — сказала акушерка. —

Девочка.

Она положила её мне на грудь.

Маленькая.

Красная.

Сморщенная.

Совершенная.

Я смотрела.

Не моргая.
Слёзы — не от боли.
От *чуда*.

— Привет, моя, — прошептала. —
Ты пришла.

Кейн стоял.
Не садился.
Не касался.
Просто смотрел.

— Она — твоя, — сказала я.
— Нет, — ответил он. —
Она — *наша*.

Он присел.
Осторожно.
Провёл пальцем по её щёчке.

— Привет, Лира, — сказал.

— Лира?
— Ты не спрашивала имя.
— А ты — выбрал?
— Давно.

С первого дня.

Когда ты сказала: «Я выбираю тебя».

Я знал — у нас будет дочь.

И её зовут Лира.

Я улыбнулась.

— Хорошее имя.

— Значит — «песня».

Ты ведь любишь, когда я читаю вслух?

Теперь будет *наша* песня.

Дома мы поставили колыбель у окна.

Тихо.

Свет — приглушённый.

Мир — другой.

— А если я скажу, что боюсь оставить её одну? — спросила я ночью.

— Скажи.

Но знай — я буду рядом.

Я не дам тебе нести это в одиночку.

— А если скажу, что устала?

— Отдохнёшь.

Я посижу.

Я покормлю.

Я укачаю.

Я — отец.

А не гость.

— А если скажу, что не знаю, как быть матерью?

— Скажу: «я тоже не знаю, как быть отцом».

Но мы будем учиться.

Вместе.

Как учились любить.

Я смотрела на неё.

На её дыхание.

На её сон.

— А если она вырастет и влюбится?

— Буду ревновать.

Как ты — к Лине.

Но не запрещу.

Потому что знаю — любовь нельзя запретить.

— А если она скажет: «Я боюсь»?

— Скажу: «я тоже».

И добавлю: «но иди.

Всё будет хорошо».

— А если она спросит, как мы остались вместе?

— Расскажу.
Про крышу.
Про библиотеку.
Про письмо.
Про разрыв.
Про выбор.
Скажу: «Мы не были идеальны.
Мы просто не сдались».

Я прижалась к нему.
— Спасибо, — сказала.
— За что?
— Что сделал из нас *семью*.

— Не я.
Ты.
Ты сказала «я остаюсь».
Ты пришла в шесть.
Ты выбрала.
А я просто *был рядом*.

Прошёл год.
Лира сидела.
Смеялась.
Говорила: «ма», «па», «А-а-а».

Однажды вечером мы сидели на крыше — как в первый раз.

Только теперь — с коляской.

С детским смехом.

С кофе в термосе.

— Помнишь, как всё началось? — спросил он.

— Помню.

Ты сказал: «Пари».

— А теперь?

— А теперь я говорю:

****это не пари**.**

****Это — окружность**.**

Ты начал с «я ненавижу тебя».

А закончил — с дочерью на руках.

С домом.

С семьёй.

С любовью, которую нельзя отнять.

Он улыбнулся.

— А я говорю:

****это — не конец**.**

****Это — цикл**.**

Мы падали.

Мы вставали.

Мы теряли.

Мы находили.

И теперь — мы *передаём*.

Ей.

Нашей Лире.

Правду.

Силу.

Выбор.

Я посмотрела на город.

На звёзды.

На нашу жизнь.

— Я люблю тебя, — сказала.

— А я люблю вас *двух*, — ответил он.

Лира засмеялась.

Как будто поняла.

И в этот момент я знала:

Любовь — это не сказка.

Это — путь.

С шрамами.

С падениями.

С выбором — каждый день.

Но если ты идёшь не один —

он становится домом.

А если ты возвращаешься —

он становится вечностью.

Мы — не идеальны.

Мы — настоящие.

Мы — *наши*.

И это — навсегда.

--Глава 21. Первая школа

Она стояла на пороге.

В новом платье.

С рюкзаком — вдвое больше неё.

В глазах — не страх.

А *вопрос*.

— Папа, — сказала Лира, — а если они не захотят со мной дружить?

Кейн присел на корточки.

Поправил воротник.

Провёл ладонью по её щеке.

— А ты хочешь с ними дружить?

— Да.

— Тогда скажи: «Привет. Я — Лира. Я люблю стихи и кофе с молоком».

— А если скажут, что кофе — для взрослых?

— Скажи: «А стихи — для всех. Даже для тех, кто боится».

Я стояла в дверях.

Сердце — в горле.

Хотелось обнять.

Унести.

Спрятать от всего мира.

— Мама, — позвала она. — А если я ошибусь?

— Ошибёшься, — сказала я. —

И это будет *хорошо*.

Потому что ошибки — это как строчки в стихах.

Иногда — не рифмуются.

Но без них — не будет песни.

Она кивнула.

Серьёзно.

Как взрослая.

— А если кто-то скажет, что у меня странные родители?

— А какие у нас родители? — спросил Кейн.

— Вы читаете стихи вслух.

Мама плачет от Ахматовой.

Папа говорит, что любовь — это не счастье, а выбор.

И вы *всегда* держитесь за руки.

— Ну, — улыбнулся он, — звучит как *идеальные*.

Я улыбнулась.

Через слёзы.

— Иди, — сказала. —

Но знай: если захочешь вернуться — мы будем здесь.

Не потому что должны.

А потому что *любим*.

Она обняла нас.

По одному.

Потом — вместе.

— Я вернусь, — сказала. —

С рассказом.

С рисунком.

С новой подругой.

Или без неё.
Но я вернусь.

И пошла.
Не оглядываясь.
Сильная.
Настоящая.
Наша.

В классе она села за первую парту.
Учительница улыбнулась.
Спросила: «Кто хочет рассказать о себе?»

Лира подняла руку.

— Меня зовут Лира, — сказала она. —
Моя мама боится, но остаётся.
Мой папа выбирает каждый день.
А я — их песня.
Хочу быть поэтом.
Или матерью.
Или и тем, и другим.

В классе — тишина.
Потом — аплодисменты.

После уроков она бежала.
Не к автобусу.
Не к подругам.
К *нам*.

— Мама Папа — кричала. —
Я прочитала стих
Всему классу
Про то, как вы встретились на крыше

— И что? — спросил Кейн.
— Все плакали
Даже Данил А он — самый крутой

Я засмеялась.
Сквозь слёзы.

— А ты... гордилась? — спросила.
— Конечно
Я же ваша дочь.
А вы — легенды.

Кейн взял её на руки.
Подкинул.
Поймал.

— А знаешь, что самое важное? — спросил.

— Что?

— Что ты не боишься быть *другой*.

А это — самое редкое и самое сильное.

Дома она нарисовала картину.

Трое на крыше.

Под дождём.

С книгой.

С руками, сплетёнными в замок.

Надпись: **«Моя семья. Там, где не отпускают».**

Я повесила её на холодильник.

Рядом — с первой фотографией Кейна и мной.

Где мы ещё не целовались.

Где ещё не знали.

Где ещё *боролись*.

— Мама, — сказала Лира, — а вы правда ненавидели друг друга?

— Правда, — ответила я.

— А как полюбили?

— Перестали бояться.

Нет.

Продолжили бояться — но выбрали быть вместе.

— Это... красиво, — сказала она.

— Это — *наше*, — ответил Кейн.

Вечером, когда она спала, мы сидели на кухне.

Кофе.

Тишина.

Руки — сплетены.

— Ты слышал, как она назвала нас? — спросила я.

— Легендами?

— Да.

— А я думал — мы просто *выжили*.

— Мы не просто выжили, — сказала я. —

Мы *построили*.

И теперь — передаём.

Он посмотрел на меня.

С улыбкой.

С усталостью.

С любовью.

— А если она влюбится и скажет: «Я ненавижу тебя»?

— Улыбнёмся.

И скажем: «Пари».

Потому что знаем — это только *начало*.

Я прижалась к нему.

— Спасибо, — прошептала.

— За что?

— Что не сдался.

Что остался.

Что *выбрал*.

— Я не выбираю, — сказал он. —

Я *живу* с этим.

Как с воздухом.

Как с тобой.

Как с ней.

И в этот момент я поняла:

Мы не просто вырастили дочь.

Мы вырастили *настоящую*.

Которая знает: любовь — это не сказка.

Это — выбор.

Каждый день.

Каждое «я остаюсь».

Каждое «я иду».

И она — пойдёт.

Дальше.

Выше.

Сильнее.

А мы — будем здесь.

С кофе.

С книгой.

С руками, сплетёнными в замок.

С историей, которую она расскажет *своим* детям.

Потому что **настоящая любовь не умирает.**

Она просто передаётся —

из сердца в сердце,

из поколения в поколение,

из «я ненавижу» — в «я выбираю».

-Глава 22. Письмо Лире

Она нашла его в старом ящике.

Под стихами Ахматовой.

Под фотографией с крыши.

Под билетом в библиотеку — датированным шестью годами ранее.

Бумага — пожелтевшая.

Чернила — чуть расплывшиеся.

Конверт — не запечатанный.

Как будто ждал, когда она станет достаточно взрослой,
чтобы прочитать.

На конверте — одно имя:

«Лира».

«Девочка моя,

*Если ты читаешь это — значит, ты уже поняла:

Любовь — это не сказка.

Это не „и жили они долго и счастливо“.

Это „и боролись, и падали, и вставали, и выбирали — снова и снова“.

Я пишу тебе не как мать.

Я пишу тебе как та,

Которая однажды стояла на пороге библиотеки

С письмом в кармане

И думала: „А вдруг он не придёт?“

И знаешь, что я поняла?

Важно не то, придёт он или нет.

Важно — *ты пришла*.

Ты пришла — и это уже победа.

Ты пришла — и это уже любовь.

Когда ты родилась, я боялась, что не справлюсь.

Что буду слишком строгой.

Или слишком слабой.

Что повторяю ошибки своей матери.

Что однажды ты скажешь: „Ты не та, кого я хотела“.

Но твой отец взял меня за руку и сказал:

„Ты не должна быть идеальной.

Ты должна быть *здесь*.

А я — с тобой“.

И я поняла:

быть матерью — это не значит не ошибаться.

Это значит — вставать после падений.

Говорить „прости“.

И продолжать идти.

Ты спросишь, как мы остались вместе?

Я отвечу:

Мы не остались.

Мы *выбирали*.

Каждое утро.

Каждый раз, когда хотелось уйти.

Каждый раз, когда боль была сильнее, чем надежда.

Твой отец не волшебник.

Он просто мужчина,

Который научился не уходить.

Даже когда хотел.

Даже когда было легче.

Он остался.

Потому что *выбрал*.

А я — потому что *поверила*.

Не в него.

В *нас*.

В то, что можно быть сломанной — и всё равно любимой.

Можно бояться — и всё равно идти.

Можно кричать — и всё равно быть услышанной.

Когда ты влюбишься —

Не ищи идеального.

Ищи того, кто остаётся.

Кто не уходит при первом „я боюсь“.

Кто не сбегает от твоей тьмы.

Кто говорит: „Я тоже боюсь — но я здесь“.

Не ищи страсть.

Ищи *настоящее*.

То, что остаётся, когда всё остальное уходит.

И если однажды ты скажешь: „Я ненавижу тебя“ —
Пусть он ответит: „Пари“.

Пусть не сдаётся.

Пусть знает:

Ненависть — это просто страх,

Переодетый в гнев.

И если ты уйдёшь —

Пусть идёт за тобой.

Не в библиотеку.

Не на крышу.

Просто — за тобой.

Где бы ты ни была.

Ты — не продолжение нас.

Ты — *новая глава*.

Ты — наша песня,

Которая поёт дальше.

Ты — доказательство,

Что любовь,

Даже сломанная,

Даже испуганная,

Даже молчащая —

Может стать *вечной*.

Я люблю тебя.

Не за то, что ты делаешь.

Не за то, кем ты станешь.

А за то, что ты *есть*.

Что ты дышишь.

Что ты смеёшься.

Что ты *выбираешь*.

И если однажды ты почувствуешь себя потерянной —

Вспомни:

Ты — не одна.

Ты — из тех,

Кто знает:

дом — это не место.

Дом — это когда тебя ждут.

Даже если ты ушла.

Даже если ты не отвечаешь.

Даже если ты просто *существуешь*.

Оставайся.

Выбирай.

Иди.

Даже если боишься.

Потому что ты — *наша*.

А мы — *твой*.

Навсегда.

****Мама**»**

Лира прочитала.

Сидела долго.

Молча.

Потом — сложила письмо.

Положила обратно.

Но не в ящик.

В свою тетрадь.

Где писала стихи.

Где рисовала крыши.

Где мечтала о любви,

Которая не сбегает.

Вечером она подошла ко мне.

Обняла.

Крепко.

Как будто впервые.

— Мама, — сказала. —

Я прочитала.

— Я знаю, — ответила я.

— А ты... боялась, что я прочитаю?

— Нет.

Я боялась, что ты *не будешь готова*.

А теперь — ты готова.

— Я хочу стать такой, как ты, — сказала она.

— Нет, — сказала я. —

Хочешь быть *лучше*.

А я — уже счастлива.

Она улыбнулась.

По-взрослому.

По-настоящему.

— Я уже лучше, — сказала. —

Потому что у меня есть вы.

Той ночью я стояла у окна.

Смотрела на звёзды.

На наш город.

На нашу жизнь.

Кейн подошёл.

Обнял.

— Что думаешь?

— Думаю, — сказала я, —
Что мы не просто вырастили дочь.
Мы вырастили *свет*.
Который будет гореть
Даже тогда,
Когда нас уже не будет.

— Хорошо, — сказал он. —
Значит, мы *жизнь* построили.
Не просто любовь.

Я прижалась к нему.

— Спасибо, — прошептала.
— За что?
— Что дал мне не только сердце.
А *смысл*.

— Не я дал, — ответил он. —
Ты сама его нашла.
Я просто был рядом.
Когда ты падала.
Когда вставала.
Когда *выбирала*.

И в этот момент я знала:

****Мы не закончились.****

****Мы не остановились.****

****Мы просто стали больше.****

Потому что ****любовь, которая передаётся —****
****становится вечной.****

А наша —

Уже живёт

В глазах нашей дочери.

-